

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Другие книги серии «Пьесы»

Приятного чтения!

Леонид Андреев
Царь Голод
Представление в пяти Картинах с Прологом

Посвящается А. М. А.

Пролог
Царь Голод клянется в своей верности голодным Ночь.

Верхушка старинной соборной колокольни. Позади ее – ночное городское небо; внизу оно резко окрашено заревом городских уличных огней, вверху постепенно мутнеет, свинцовеет и переходит в черную, нависающую, тяжелую тьму. Там, где небо светло, на фоне его резко и отчетливо, как вырезанные из черного картона, вычерчиваются черные столбы, стропила, колокола и решетки церковной башни. Книзу башня переходит в черные, резкие и немного непонятные силуэты церковных кровель, каких-то труб, похожих на неподвижные человеческие фигуры, которые к чему-то прислушиваются, статуй, заглядывающих вниз. Только кое-где на этом черном кружеве видны отсветы низких городских огней: тускло поблескивают крутые бока колокола, желтеют округлые края колонн; на статуе ангела, бросающегося вниз с распростертыми руками, слабо озарены лицо, грудь и верхушки крыльев.

На площадке колокольни находятся трое: **Царь Голод, Смерть и старое Время-Звонарь.**

Смерть стоит совершенно неподвижно, лицом сюда, и черный силуэт ее рисуется так: маленькая, круглая головка на длинной шее, довольно широкие четырехугольные плечи; все линии прямые и сухие. Окутана Смерть сплошным черным полупрозрачным покрывалом, облегающим узко; сквозь ткань чувствуется и даже как будто видится скелет. Почти так же неподвижно и только изредка качает головой старое Время. И голова у него большая, с огромной, косматой старческой бородой и волосами; в профиль виден большой строгий нос и нависшие мохнатые брови.

Царь Голод движется беспокойно и страстно, так что трудно составить представление о его фигуре. Заметно только, что он высок и гибок.

Разговаривают **Время-Звонарь, Царь Голод и Смерть.**

– Ты снова обманешь, Царь Голод. Уже столько раз ты обманывал твоих бедных детей и меня.

– Поверь, старик.

– Как я могу поверить обманщику?

– Поверь еще раз. Только раз еще поверь мне, старик! Я никогда не лгал. Я обманывался сам. Несчастный царь на разрушенном троне, я обманывался сам. Ты знаешь ведь, как хитер, как лжив, как увертлив человек.

И я губил моих бедных детей, их тощими трупами я кормил Смерть...

(Показывает рукою на Смерть.)

Все такая же неподвижная. Смерть перебивает его скрипучим, сухим и очень спокойным голосом: как будто заскрипели среди ночи старые, заржавленные, давно не открывавшиеся ворота.

– Да, – но я еще не сыта.

Время. Ты никогда не бываешь сыта. Столько уже съела ты на моих глазах, и все такая же сухая и жадная.

Царь Голод. Но теперь я дам ей более сытную пищу. Довольно наглодалась она костей, как дворовая собака на привязи, – пусть теперь потешится разгульно над здоровыми, толстыми, жирными, у которых кровь такая красная, и густая, и вкусная. Смерть, дай мне руку, ты поблагодаришь меня – в честь твою будет праздник!

Смерть *(не протягивая руки, говорит тем же скрипучим голосом)* . Да, – но я никогда не благодарю.

Время. Ты лжешь, Царь Голод!

Царь Голод. Посмотри на мое лицо – разве не страшно оно? Взгляни на мои глаза – ты увидишь в темноте, как горят они огнем кровавого бунта.

Время настало, старик! Земля голодна. Она полна стонами. Она грезит бунтом.

Ударь же в свой колокол, старик, раздери до ушей его медную глотку! Пусть не будет спящих!

Время *(колеблясь)* . Правда, когда наступает ночь и тишиною одевается время, оттуда – снизу – приходят слабые стоны... плач детей...

Царь Голод *(протягивает руку к городу)* . Это оттуда, из проклятого города.

Время *(качает головою)* . Нет, еще дальше. Вопли женщин, хрипение стариков, вой псов голодных...

Царь Голод. Это оттуда-с полей, из глубины умирающих деревень!

Время. Нет, еще дальше, еще дальше... Как будто стон всей земли слышу я, и это не дает мне спать. Я старик, я устал, мне нужно спать, а они не дают. Мне хочется умереть. Смерть, старая подруга, когда же ты возьмешь меня?

Смерть молчит, и старое Время грустно никнет головою.

Царь Голод. Ударь в колокол! Я также несчастен. Я также хотел бы умереть. Бедные дети мои, – хотел я создать царство сильных, а создал лишь царство убийц, тупоумных, лжецов. Я не царь, я жалкий приспешник, а моя корона, моя великая кровавая корона – игрушка их детей. Убей же их, Время, ударь в твой колокол! Ударь!

Время. Ты уже говорил это когда-то. И обманул.

Царь Голод. Тогда я сам сомневался.

Время. А теперь?

Царь Голод. Взгляни на моих детей! Спроси у Смерти, она никогда не лжет. Безропотные доселе, теперь они встречают ее бурей негодования, проклятиями, гневом!

Смерть *(говорит тем же сухим, спокойным голосом)* . Да – они спорят немного.

Царь Голод. Дай твою руку. Смерть!

Смерть не дает руки и молчит. Тишина. На башне в темноте медленно и печально звонят часы.

Время *(колеблясь)* . Я начинаю верить. Мне так хочется отдохнуть – умереть.

Царь Голод. Тогда не будет времени! О милый колокол, ты принесешь нам покой и отдых! Дай нежно прикоснуться к тебе моей усталой головою. *(Ласкает колокол, целует нежно его крутые бока. Потом молча делает вид, что звонит; и тихонько, глядя на него, сухим, отрывистым смешком хохочет Смерть.)*

Время. Ты смеешься, Смерть?

Смерть. Да – немного.

Время. Ты рада? Или ты смеешься над моей доверчивостью? Но есть правда в его словах, и колокол знает это. Ночью, когда все спит и только, изнемогая, стонет земля, по его бокам пробегают тихие шорохи, незаметные, слабые звоны. Словно тысячи незримых рук ощупывают, и ласкают, и спрашивают: сохранился ли голос у меди? Страшно ночью на колокольне, когда мерцает внизу город неугасающими огнями и стонет в кошмаре земли... Ты слышишь?

Все прислушиваются. Царь Голод отшатнулся от колокола и слушает, напряженно выкинув руки. И тихо, звенящим шелестом вздыхает колокол и замолкает.

Смерть. Да – звенит немного.

Царь Голод. Ты слышишь! Земля требует бунта. Торопись, старик!

Время. И так каждую ночь. Как трудно слышать это.

Царь Голод. Скоро ты услышишь другие крики. В них будет гнев!

Время. И боль.

Царь Голод. Нет, гнев, гнев! Боли всегда, много у земли. Гнев, гнев, старик!

Где-то внизу, в светлеющей глубине, трижды – протяжно – трубит хриплый рог. Начинаясь на низкой ноте, звук медленно замирает на высокой – чувствуется в нем тоскливый и страшный призыв. И еще раз, где-то вдаль, повторяется протяжный и тоскливый зов.

Смерть. Меня зовут. *(Исчезает.)*

Некоторое время стоит молчание. Невидимые огни в городе несколько мутнеют, блекнут, и с одной стороны высоко начинает играть и колыхаться беззвучно красноватое зарево. По-видимому, где-то в городе начался пожар.

Время. Ушла Смерть.

Царь Голод. Ее позвали.

Время. Нет, скажи, зачем она убила моего голубя? Здесь на крыше жил голубь, стучал лапками по железу и радовал меня, – а она его убила.

Царь Голод смеется громко.

Чему ты?

Царь Голод. Так. Я очень люблю ее.

Время. Вот ты смеешься, и я опять не верю тебе. Теперь ты один – скажи мне правду, Царь Голод. Ты великий предатель, ты лжец передо всеми, ты вовлекаешь людей в безумные поступки и потом смеешься над ними. Но сейчас?..

Царь Голод *(произносит торжественно и твердо)* . Клянусь.

Время. Ты дашь голодным победу?

Царь Голод. Клянусь.

Время. И мне ты дашь покой?

Царь Голод. Клянусь.

Время *(вздыхает)* . Я верю тебе. И я ударю в колокол, когда ты этого захочешь.

Царь Голод. Это будет скоро. Я устал.

Время. И я устал.

Утомленно кладет большую, лохматую голову на каменную балюстраду.

Растущее дерево окрашивает красным его седые волосы и длинную худую руку, лежащую на перилах.

Царь Голод *(так же утомленно садится у ног и кладет голову на его колени. И говорит)* . Опять у них горит что-то. Но я устал. Я не пойду туда сегодня. Я побуду с тобою. У тебя так тихо.

Время. У меня страшно.

Царь Голод. Там еще страшнее. Я был везде, и страшнее всего у человека. Спой мне твою песенку. Время, дай отдохнуть великому и несчастному царю.

При блеске разгорающегося зарева Время поет тихим старческим голосом.

Песенка Времени

...Жил на башне голубь – голубь. Стучал лапками по железу – голубь, голубь. Пришла Смерть и взяла голубя. Все падает, все рушится, и все рождается вновь. О безначальность, мать моя! О деточки мои – секундочки, минуточки, годочки – о бесконечность, дочь моя!..

Уже полнеба охвачено заревом, и уже не колышется плавно, а мечется и прыгает оно. Но на башне спокойно и тихо; и печально, с покорностью вызванивают часы, отмечая незримо бегущее время.

Опускается занавес .

Картина первая Царь Голод призывает к бунту работающих

Первое, что с силой овладевает сторонним зрителем, – это многоголосый, сложный, но ритмичный шум от работы машин и тысяч приставленных к ним людей. Равномерные тяжелые вздохи паровиков, жужжание и свист вертящихся колес, шелест бесконечно бегущих ремней; глухие, редкие, сотрясающие землю удары больших механических молотов. На фоне этих мертвых, тяжелых, жестоко-неизменных звуков, как будто уже не зависящих от воли человека, – живой, меняющийся, но ритмичный стук многочисленных маленьких молотков.

Различные по тону и силе звука, они то сливаются в общий, живой, говорливый поток, то разбегаются в одиночку, слабеют, становятся жалобны и тихи – как стая певчих птиц в лесу, разогнанных коршуном. В общем получается какая-то мелодия, напоминающая песенку Времени.

При раскрытии занавеса глазам представляется, в черном и красном, внутренность завода. Красное, огненное – это багровые светящиеся из горна, раскаленные полосы железа, по которым, извлекая искры, бьют молотами черные тени людей. Черное, бесформенное, похожее на сгустившийся мрак – это силуэты чудовищных машин, странных сооружений, имеющих грозную видимость ночного кошмара. Угрюмо-бесстрастные, они налегли грудью на людей и давят их своею колоссальною тяжестью. И столбы, подпирающие их, похожи на лапы чудовищных зверей, и их черные грозные массы – на тела животных, на исполинских птиц с распростертыми крыльями, на амфибий, на химер. Тяжесть, и покой, и мрак; и будто смотрят отовсюду широко открытые, недвижимые слепые глаза.

И как маленькие черные тени копошатся внизу люди. Суетливости нет в их движениях, нет живой и порывистой свободы жеста. И говорят и движутся они размеренно и механично, в ритме молотов и работающих машин; и когда кто-нибудь вдруг выступает отдельно, то кажется, что это откололась частица черной машины, странного сооружения, похожего на

неведомое чудовище.

Звуки работающих молотов и машин то усиливаются, то затихают. И голоса людей вливаются в этот хор незаметно, звучат в унисон: то живые и звонкие, то глухие, отрывистые, тупые – почти мертвые.

Жалобы работающих

- Мы голодны.
- Мы голодны.
- Мы голодны.

Трижды отрывисто ударяет большой молот.

- Мы задавлены машинами.
- Мы задыхаемся под их тяжестью.
- Железо давит.
- Гнет чугун.
- О, какая безумная тяжесть! Точно гора надо мною!
- Надо мной вся земля.
- О, какая безумная тяжесть!

Удар молота.

– Меня плющит железный молот. Он выдавливает кровь из моих жил – он ломает кости – он делает меня плоским, как кровельное железо.

– Между валами протягивают мое тело, и оно становится узкое, как проволока. Где мое тело? Где моя кровь? Где моя душа?

– Меня кружит колесо.

– День и ночь визжит пила, разрезая сталь. День и ночь в моих ушах визжит пила, разрезая сталь. Все сны, что я вижу, все слова и песни, что я слышу, – это визг пилы, разрезающей сталь. Что такое земля? Это визг пилы.

Что такое небо? Это визг пилы, разрезающей сталь. День и ночь.

– День и ночь.

– День и ночь.

Удар молота. Трижды.

– Мы задавлены машинами.

Звонкий рыдающий голос. Мы сами части машин.

– Я молот.

– Я шелестящий ремень.

– Я рычаг.

Слабый голос. Я маленький винтик с головою, разрезанной надвое. Я ввинчен наглухо. И я молчу. Но я дрожу общей дрожью, и вечный гул стоит в моих ушах.

– Я маленький кусочек угля. Меня бросают в печь, и я даю огонь и тепло. И вновь бросают, и вновь горю я неугасимым огнем.

– Мы огонь. Мы раскаленные печи.

– Нет. Мы пища для огня.

– Мы машины.

– Нет. Мы пища для машин.

– Мне страшно.

– Мне страшно.

Удар молота. Голоса звучат испуганно и жалобно.

– О, страшные машины!

– О, могучие машины!

– Будем молиться. Будем молиться машинам.

Гимн машине

Кто сильнее всех в мире? Кто страшнее всех в мире? Машина. Кто всех прекраснее, богаче и мудрее? Машина. Что такое земля? Машина. Что такое небо? Машина. Что такое человек? Машина. Машина.

Трижды, мрачно соглашаясь, ударяет молот.

Ты, стоящая над миром, – ты, владычица тел, помыслов и душ наших, – ты, славная, бессмертная, премудрая машина, – пощади нас! Не убивай нас – не калечь – не мучь так ужасно! Ты, безжалостнейшая из безжалостных, скованная из железа, дышащая огнем, – дай нам хоть немного свободы! Сквозь копоть твоих стекол, сквозь дым твоих труб мы не видим неба, мы не видим солнца!

Пощади нас!

На мгновение умолкают маленькие живые молотки, и трижды безжалостно и тупо ударяет в темноте большой молот. И уже слышны отдельные возмущенные голоса.

– Она не слышит!

– Она глухая, – дьявол!

– Она лжет!

– Издевается над нами!

– Мы работаем для других!

– Всё для других!

– Мы льем пушки.

– Мы куем звонкое железо.

– Мы приготавливаем порох.

– Создаем заводы.

– Города.

– Всё для других.

– Братья! Мы куем собственные цепи!

Чистый, живой, резкий, негодующий стук маленьких живых молотков. И в такт ударам негодующие голоса.

– Каждый удар – новое звено.

– Каждый удар – новая заклепка.

– Бей по железу.

– Куй собственные цепи.

– Братья, братья, мы куем собственные цепи.

Глухой удар большого молота обрывает этот бурный и живой поток, и дальше он течет ровно и устало.

- Кто освободит нас от власти машин?
- Покажет небо? Покажет солнце?
- Царь Голод!
- Царь Голод!
- Нет, он враг. Он загнал нас сюда.
- Но он нас и выведет отсюда.
- Он страшен. Он коварен и лжив. Он зол. Он убивает наших детей. У наших матерей нет молока. Их груди пусты.
- Грозным призраком стоит он у наших жилищ.
- От него некуда уйти. Он над всею землею.
- Тюремщик!
- Убийца!
- Царь Голод! Царь Голод!

Удар молота.

- Нет, он друг. Он любит нас и плачет с нами.
- Не браните его. Он сам несчастен. И он обещает нам свободу.
- Это правда. Он дает нам силу.
- Это правда. Чего не может сделать голодный?
- Это правда.
- Чья ярость сильнее?
- Чье отчаяннее мужество? Чего может бояться голодный?
- Ничего.
- Ничего. Ничего!

Несколько ударов молота.

- Зовите его сюда!
- Голод! Голод! Голод!
- Иди сюда, к нам. Мы голодны. Мы голодны!
- Молчите, безумцы!
- Голод! Голод!
- Он идет!
- Царь Голод! Царь Голод!
- Он пришел!
- Царь Голод!

На середину, в полосу багрового света, из горна быстро входит **Царь Голод**. Он высокого роста, худощавый и гибкий; лицо его, с огромными черными, страстными глазами, костляво и бледно; и волосы на точеном черепе острижены низко. До пояса он обнажен, и в красном свете отчетливо рисуется его сильный, жилистый торс. И весь он производит впечатление чего-то сжатого, узкого, стремящегося ввысь. В движениях своих Царь Голод порывист и смел; иногда, в минуты задумчивости и скорби, царственно-медлителен и величав. Когда же им овладевает гнев, или он зовет, или проклинает – он становится похож на быстро закручивающуюся спираль, острый конец свой выбрасывающую к небу. И тогда кажется, что в движении своем, как вихрь, поднимающий сухие листья, он подхватывает с земли все, что кругом, и одним коротким взмахом бросает его к небу.

Голос его благороден и звучен; и глубочайшей нежности полны его обращения к несчастным детям.

Царь Голод. Дети! Милые дети мои! Я услышал ваши стоны и пришел.
Бросьте работу! Подойдите ко мне. Бросьте работу.

Останавливается выжидающе, озаренный красным светом раскаленной печи.

И медленно собираются вокруг него работающие. Только трое из них вступают в полосу света и становятся видимы отчетливо, остальные же стоят грудую темных теней; и только кое-где случайный луч выхватывает из мрака голое могучее плечо, поднятый молот или суровый профиль.

И те, которые видимы, таковы по своей внешности.

Первый Рабочий – могучей фигурой своею и выражением крайней усталости походит на Геркулеса Фарнезского. Ширина обнаженных плеч, груды мускулов, собравшихся на руках и на груди, говорят о необыкновенной, чрезмерной силе, которая уже давит и отягощает обладателя ее. И на огромном туловище – небольшая, слабо развитая голова с низким лбом и тускло-покорными глазами; и в том, как наклонена она вперед, чувствуется какая-то тяжелая и мучительная бычачья тупость. Обе руки рабочего устало лежат на рукояти громадного молота.

Второй Рабочий – молодой, но уже истощенный, уже больной, уже кашляющий. Он смел – и робок; горд – и скромн до красноты, до заиканья.

Начнет говорить, увлекаясь, фантазируя, грезя, – и вдруг смутится, улыбнется виноватой улыбкой. На земле он держится легко, как будто где-то за спиною у него есть крылья; и, кашляя кровью, улыбается и смотрит в небо.

Третий Рабочий – сухой, бесцветный, будто долго, всю жизнь, его мочили в кислотах, съедающих краски. Так же бесцветен и голос его; и когда он говорит, кажется, будто говорят миллионы бесцветных существ, почти теней.

Звук маленьких живых молотков совершенно затихает.

Царь Голод (*говорит властным голосом*) . Слушайте, милые дети мои! Я обошел все царство труда, царство голода и нищеты, бесправия и гибели – все великое и несчастное царство мое. Кто видел Голод плачущим? А я плакал, дети мои, я плакал кровавыми слезами, глядя на несчастья ваших братьев.

Горе, горе работающим!

Рабочие (*отвечают тихо*) . Горе!.. горе... горе работающим!

Царь Голод. И я принес вам привет от ваших братьев. И я принес вам великий наказ от ваших братьев: готовьтесь к бунту!

Молчание. Бухает молот.

Готовьтесь к бунту! Уже веет незримо над головой кровавое знамя его, и сам в ночи, содрогаясь муками земли, стонет колокол всполоха.

Я слышал его стон!

Молчание.

Первый рабочий (*кладет тяжелую руку на плечо Царя Голода, несколько сгибая его, и говорит глухим, сильным голосом, словно идущим от какой-то подземной глубины*) . Я рабочий. Я стар, как земля. Я совершил все двенадцать подвигов, чистил конюшни, срубал головы гидре, точил землю и взрывал ее, строил города; и так изменил лицо земли, что теперь не узнал бы ее сам Творец. И я не знаю, зачем я делал это. Чью волю я творил? К какой цели я стремился? Моя голова тупа. Я устал смертельно. Меня гнетет моя сила.

Объясни же мне, Царь! А иначе я возьму мой молот и расколю эту землю, как пустой орех. (*Угрожающе поднимает молот.*)

Царь Голод. Погоди, мой сын! Береги свои силы для последнего великого бунта.

Тогда ты узнаешь все.

Рабочий (*угрюмо и покорно*) . Я погожу.

Второй Рабочий. (*приближается к Царю Голоду и говорит возбужденно, показывая на первого*) . Он ничего не понимает, Царь. Он думает, что землю надо расколоть. Это такая неправда. Царь. Земля прекрасна, как божий сад.

Ее нужно беречь и ласкать, как маленькую девочку. Многие из тех, что вон стоят в темноте, говорят, будто нет ни неба, ни солнца, будто на земле вечная ночь. Ты подумай: вечная ночь! (*Кашляет.*)

Царь Голод. Отчего, кашляя кровью, ты улыбаешься и смотришь на небо?

Рабочий. Оттого, что на моей крови вырастут цветы, и я уже вижу их. У одной богатой и красивой дамы я видел на груди алую розу – она и не знала, что это моя кровь.

Царь Голод (*насмешливо*) . Ты поэт, мой сын. Уж не пишешь ли ты стихов, по-ихнему?

Рабочий. Царь, Царь, не смейся надо мною. В темноте я научился поклоняться огню. Умирая, я понял, как прекрасна жизнь. О, как прекрасна!

Царь, – это будет большой сад, и там будут гулять, не трогая друг друга, и звери и люди. Не смейте обижать зверей! Не смейте обижать человека! Пусть гуляют, пусть целуются, пусть ласкают друг друга – пусть! (*Добавляет печально.*) Но где путь? Где путь, объясни, Царь Голод.

Царь Голод (*твердо и мрачно*) . Бунт.

Рабочий (*печально говорит*) . Через насилие к свободе? Через кровь к любви и поцелуям?

Царь Голод. Другого пути нет.

Молчание. Тяжелые вздохи.

Третий Рабочий (*старик, подходит и говорит бесцветным голосом*) . Ты лжешь, Царь Голод. Так ты убил и отца моего, и деда, и прадеда, и нас хочешь убить. Куда ты ведешь нас, безоружных? Разве ты не видишь, какие мы темные, и слепые, и бессильные. Ты предатель. Это у нас только ты царь, а у них – ты лакей за ихним столом. Это у нас ты носишь корону, а у них ты ходишь с салфеткою.

Царь Голод (*кричит гневно*) . Молчи! Ты выжил из ума!

Твердые голоса. Нет.

– Пусть говорит.

– Говори, старик.

– А ты, Царь, слушай.

Царь Голод (*извиняясь, мягко*) . Простите, дети. Конечно, пусть говорит.

Говори, старичок, не бойся.

Рабочий. Я не боюсь. Я винтик из машины – мне нечего бояться. А зачем ты обманываешь нас? Зачем внушаешь нам обманчивую веру в победу? Разве побеждал когда-нибудь голодный?

Царь Голод. Да, – но теперь победит.

Голоса. Необходимо кончить.

– Так жить нельзя.

– Лучше смерть, чем эта жизнь.

– Другого пути нет.

Первый рабочий. Иначе я подниму мой молот...

Второй Рабочий. А если есть другой путь?

Голоса. Какой?

– Говори! Какой?

– Он бредит.

Сближаются вокруг Царя Голода и Первого Рабочего.

Второй Рабочий. (*мечтательно*) . А если... попробовать... зажечь землю мечтами?

Смех.

(*Волнуясь и спеша, говорит.*) Погодите. Есть другой царь, не Царь Голод. (*Испугавшись.*) Но я не знаю, как его зовут.

Смех.

Царь Голод (*говорит покровительственно*) . Ты поэт, мой сын. Поэты же земли не зажигали никогда. И зажечь ее может только один могучий, один великий и всеильный Царь Голод. Слушайте меня, дети мои! (*Опустив голову, говорит угрюмо и сильно.*) Здесь ваш старик назвал меня лакеем. Я разгневался, ибо тяжело брошенное оскорбление, – но это правда. Да... я лакей. Я прислужник у сытых. Я наемный убийца в их руках, палач, казнящий только безвинных. О хитрый, о подлый человек, что сделал ты со мною? В какое позорище превратил ты мой великий, мой первоизданный трон! (*Говорит нежно, ласкающим голосом.*) О дети, о милые дети мои! Посмотрите на лес, загляните в глубины рек, морей и болот, где еще царствую я беспредельно, – как там прекрасно! Все движется, все растет, одевается силой и красками, стремится стать радугой и божеством, – как там прекрасно! И там много трупов, но нет убитых, нет безвинно казненных – ибо я царь Справедливости в великом царстве моем! (*Загорается гневом.*) А здесь? О хитрый, о подлый человек! Ничтожный, сытый, сидит, распутивши слюни, и гоняет меня по свету, как бешеную, но послушную собаку. Царь Голод, туда! Царь Голод, сюда! Убей тех! Обессиль этих! Истреби младенцев и женщин! Отними красоту и мощь у прекрасного тела, и пусть над миром буду только я, сытый, ничтожный, дряблый. Мне не хочется есть, так засунь же мне в глотку баранью ногу, пропихни ее в мое толстое чрево! И я засовываю, засовываю – и салфеткой вытираю сальные губы!

Работающие хохочут, и Царь Голод вторит им гневно и продолжает.

Как смел ты извратить мою волю, о подлый, о хитрый человек! Голодные – со мною против сытых! Вернем человеку его мощь и красоту, бросим его снова в поток беспредельного движения! Со мною, голодные! (*Мечется по кругу.*) Кто сказал, что вы слабы? Вы сила земли. Разве ты слаб? (*Ошибаясь, схватывает за плечо старика, и тот шатается бессильно.*) Да, я ошибся. Ты слаб. А ты, а ты, мой друг? (*Хватает за руку Первого Рабочего, любитесь им.*) Разве это не сила? Разве это не красота? Посмотрите на него. На эти мышцы, на эту грудь!

Милый сын мой, ты достоин быть царем, а ты только раб. Дай твою руку, я поцелую ее. (*Порывисто бросается на колени и целует тяжелую, вялую руку.*)

Первый рабочий. Я ничего не понимаю.

Голоса. У них оружие!

– У них пушки, отлитые нами!

– У них инженеры.

– Ученые.

– У них власть, и сила, и ум!

Царь Голод прислушивается, вытянув шею.

– У них машины!

– Страшные машины!

– Мудрые машины!

Царь Голод (*топнув ногою, кричит гневно*) . Так уничтожьте их! Я ненавижу машины! Они лгут, они обманывают, они поработают вас. Разбейте их.

Голоса. У них пушки!

Царь Голод. Так отнимите их!

Первый рабочий. А кто будет управлять? Мы не умеем, царь!

Царь Голод (*полный бешеного гнева, вдруг кричит властно, в безумии*) .

Молчите! (*И когда все стихает, он говорит напряженно сквозь зубы, еле сдерживая kloкочущий гнев.*) Безумцы! Пушки нужны им, а не вам. Отнимите их только, и они станут бессильны и кротки, как домашние животные, они будут плакать и молить вас о пощаде.

Голоса. Это правда.

Царь Голод. Отнимите пушки – и к вам на службу придут инженеры и ученые, и вы станете господами земли!

Голоса. Это правда!

– Нет, это ложь. Братья, готовится новое предательство!

– Нет, это правда.

Царь Голод. К бунту, дети мои! На улицы! Ломайте машины, режьте ремни, заливайте котлы – на улицы! К бунту, дети мои! Вас зовет великий и несчастный Царь!

Голоса. На улицы!

– Мы боимся!

– Нас убьют!

– На улицы!

– Так жить нельзя. Долой трусов!

– Ломайте машины!

– Мы боимся!

– Боимся!

– Пощади нас, Царь Голод. Мы так боимся!

Царь Голод (*властным движением руки восстанавливает тишину и, весь озаренный красным отсветом горна, говорит с холодной и безнадежной свирепостью*) . Вы боитесь, дети? Пусть так. Но послушайте же меня, трусы. Не с пальмовой ветвью мира пришел я к вам, – я к вам прислан для убийства. Вы не хотите остановить машин – тогда остановлю их я. Вы не хотите бросить работу, тогда заставлю бросить я. И я пойду отсюда за вами – я ворвусь в ваши жилища, я передую ваших младенцев, я выжму последнее молоко из груди ваших жен и матерей – и убью их. И над их трупами вы заплачете горькими слезами! (*Кричит свирепо.*) Смерть! Сюда!

Среди молчания, в жуткой тишине, трижды раздается хриплый звук рога, сперва дальше, потом все ближе и ближе. Тухнут, точно залитые мраком, дальние горны, и позади рабочих, в углу, встает что-то огромное, черное, бесформенное.

Это ты, Смерть?

Молчание и сухой, недовольный ответ:

– Да – это я.

Работающие робко жмутся друг к другу, освобождая угол, в котором черным и бесформенным пятном возвышается Смерть.

Царь Голод. Вы слышали? Она уже здесь. Она уже стоит над вами и ждет послушно. Одно движение, один лишь знак – и черною тучею она ринется на ваши дома, безжалостная, и избьет ваших жен и детей. Вы знаете, что это значит, когда по темным улицам длинную

вереницею несут гробы – маленькие гробики – крошечные гробики – деревянные тихие колыбельки?

Суровое молчание.

Решайте же, трусы: для кого смерть, для кого гибель? Для вас или для детей ваших? Скорее. Она ждет.

Молчание.

Первый Рабочий (*решительно*) . Для нас.

Второй Рабочий. Для нас, для нас!

Многочисленные суровые, покорные, восторженные голоса.

– Для нас! Для нас! Бери нас, Смерть. Победа или Смерть! Смерть!

С криком бросаются к ногам неподвижной Смерти. И, озаренный красным светом горна, охватив голову руками, громко, в безумном отчаянии и восторге рыдает Царь Голод.

Опускается занавес .

Картина вторая **Царь Голод призывает к бунту голодную чернь**

Ночь.

Подобие черной, плоской, уходящей ввысь стены. На самом верху ее, видимые только на две трети, несколько очень больших окон с зеркальными стеклами. Окна очень ярко освещены – там происходит бал. Сквозь полупрозрачные гардины и сетку тропических растений видно неопределенное движение; иногда танцующая пара проносится близко, и тогда на мгновение мелькает черный костюм мужчины, белое платье и белые голые плечи женщины. С редкими перерывами играет красивая нежная музыка; и только раз, на короткое время, она играет тот мотив, что играет на Балу у Человека. Случается раз или два во время картины, что кто-нибудь очень красивый подходит к окну и неопределенно смотрит в темноту улицы; или молодая, красивая, влюбленная пара скрывается за гардины и предается нежным, быстролетным ласкам.

Внизу стены – видимое в разрезе подвальное помещение дома. Сводчатые потолки очень низки, и, точно раздавленное огромной тяжестью дома, помещение имеет форму сплюснутого полуовала. Походит немного на сплюснутое тяжестью камня жерло большой печи. Освещено оно несколькими висячими лампами, в общем, свет слабее, чем в верхних господских окнах, но достаточно яркое, чтобы с полной ясностью можно было рассмотреть все, находящееся внутри.

В углах помещения и на дальнем конце его валяется всякая рухлядь: пустые, полурассыпавшиеся бочки без обручей, какие-то доски, деревянные козлы и т. п. – по-видимому, для жилья оно не служит. Посредине длинный стол, и за ним, на бочонках и досках, но в строгом и чинном порядке, сидят собравшиеся представители голодной черни и с несколько зловещей точностью пародируют настоящее деловое заседание. Есть чернильница и звонок, и даже **Председатель**, который, пошатываясь, сидит на высоком бочонке.

Всего собралось человек двадцать. Это уличные дешевые проститутки, хулиганы и их подруги, сутенеры, мелкие воры, убийцы, нищие, калеки и другие отбросы большого города, все самое ужасное, что может дать нищета, порок, преступление и вечный, неутолимый

душевный голод. Только у двух-трех, в том числе у одной девочки, их лица и костюм походят на обыкновенные человеческие лица и платья; остальные – сплошное дикое и злое уродство, только смутно напоминающее человека. Почти полное отсутствие лба, уродливое развитие черепа, широкие челюсти, что-то скотское или звериное в походке и движениях делает их существами как бы совсем особой расы. Одеты фантастически и грязно, и только сутенеры шеголяют нелепо-франтовскими нарядами, пестрыми галстуками и даже тщательно расчесанными проборами на головах микроцефалов. Некоторые лица очень темны; другие очень красны; и есть несколько зловещих лиц, бледных смертельно, совершенно белых, с яркими пятнами румянца на скулах.

Председатель – толстый, низкий, с вылупленными глазами и остроконечным лысым черепом, походит на задыхающуюся пьяную жабу. Лицо красное.

Председатель (*звонит в колокольчик и говорит, задыхаясь, но очень миролюбиво*) .
Все... получили... повестки?

– Никто не получал.

– Ну, все равно, заседание состоится и без повесток. Итак, госпожи проститутки... и стервы, господа... хулиганы, карманники, убийцы и сутенеры... объявляю заседание открытым. И первым делом, как председатель... прошу господ членов откровенно сознаться: кто принес с собою водку?

– Я.

– И я. А тебе не дам.

– У всех есть.

– Э... это нехорошо. Тут пить нельзя, а кто хочет, пусть отойдет в тот угол, за бочку, там буфет. И, пожалуйста, прошу, чтобы за столом не спали: вон дама уже храпит. Эй, дама! Секретарь, дайте даме по шее!

– Вставай, дьявол!

– К черту женщин!

– К делу.

– Ах, как же можно без дам. Дамы украшают, так сказать.

– Молчи, сутенер!

– Вор!

Председатель. Ну, и это нехорошо. Господин вор! Господин сутенер! Тут все равны. Ну и дамы тоже... (*Удивленно таращит вверх глаза и вдруг кричит.*) Эй, музыка там, замолчи! – Она не молчит.

– К черту председателя!

– Это почему?

– Он пьян. Надоел. К делу! Он пьян.

– Ну, и это нехорошо говорить так. Разве я тут пил? Я раньше напился.

Но если все хотят...

– Все! Все.

– Ну и черт с вами!

Уходит в угол и там пьет, достав бутылку из кармана. На председательское место решительно и быстро вскакивает **Молодой Хулиган** со смертельно-бледным, бескровным лицом и черными закрученными усиками.

По-видимому, он считается очень красивым и знает это, потому что сильно рисуется и кокетничает. Но минутами все это соскакивает, и тогда в зверином оскале зубов, в бледном лице, в том, как нежно и томно щурятся маленькие острые глазки, чувствуется беспощадная свирепость, безграничная плоскость и обнаженность души, полное отсутствие чего бы то ни было сдерживающего.

Говорит, несколько грассируя.

- Прошу молчать. Я председатель.
- А кто тебя выбрал?
- Сам выскочил.
- Нет, это хорошо. Он может...

Председатель (*свирепо оскалив зубы*) . Молчать! Тихо. (*Продолжает томно и нежно.*) Тут у некоторых есть ножи!.. Кто будет спорить против избрания, шуметь, нарушать порядок, того я просил бы сходить к попу и исповедаться в грехах...

Довольный смех.

- Молчать! Эй, посадить того пьяницу на место.
- Тут буфет.

Пьяницу, бывшего председателя, бьют и сажают на место.

- Ну и сел.
  - Молчать! Ставится на обсуждение вопрос о необходимости всеобщего разрушения.
  - Как?
  - Всеобщего разрушения. Ораторов прошу записаться в очередь. Женщин и пьяниц прошу говорить только по специальному приглашению председателя.
- Тихо. Кто имеет сказать?

Встает один.

- Я предложил бы подождать Отца.
- Председатель** (*мрачно*) . Это зачем?
- Он созвал нас сюда.
  - Да, верно.
  - Подождать!
  - Молчать! С места не говорить. Неизвестно, когда придет Отец, а нам ждать нельзя. У многих сегодня ночью дела. Предлагаю приступить к прениям.
  - Виноват: очень мешает музыка и топот танцующих.
  - Пусть танцуют. Музыка достаточно красива, чтобы вдохновить ораторов.
- Вам что угодно?
- Я желал бы сказать первый. Сегодня ночью мне и моему уважаемому товарищу предстоит вырезать целую семью. Вы понимаете, господин председатель, что этот труд потребует много времени, и я...
  - Понимаю. Прошу.

Оратор начинает сладким голосом:

- Уважаемое собрание! Не осмеливаюсь сказать: высокое собрание, так как, находясь в подвале...
- Короче...
- Слушаю-с. Когда я родился...

Председатель (*гневно*) . То родился дурак. Вам предстоит вырезать целую семью, а вы начинаете с рождения, как член парламента.

- Но и члены парламента...
- Прошу подчиниться. Вообще предлагаю говорить не более двух минут. У кого-нибудь есть часы? Я свои забыл дома.

Один из членов вынимает из кармана десяток часов и кладет на стол.

- Есть.
- Благодарю вас. Достаточно одних. Во избежание дальнейших задержек предлагаю в речах ограничиться только предложением способов разрушения, так как мотивы известны.
- Нет, не всем. Пусть говорит.
- Как танцуют! Они пол провалят на наши головы.
- Им весело.
- Ничего. Скоро будут плакать.
- А мы танцевать?
- Молчать! Итак, предлагаю: две минуты – о мотивах разрушения. Две – о способах такого. Прошу начать.

Оратор с темным лицом глухо говорит:

- Мы голодны и, как собаки, выброшены в ночь. Нас ограбили, у нас отняли все: силу, здоровье, ум, красоту...
- А их женщины красивы!
- И мужчины тоже.
- Молчать!
- Мы бесстыдны, безбожны, бессовестны, и на всей земле у нас нет ничего. Мы хуже скотов, потому что когда-то были людьми. И я предлагаю (*указывает наверх*) разрушить, уничтожить, стереть с лица земли. Способ: предлагаю отравить ихний водопровод.
- А где мы возьмем столько яду?
- Мы ограбим аптеки.
- Глупости. Мы сдохнем сами.
- Мы будем пить из реки. А если и издохнем...
- Я не хочу умирать.
- К черту! Не годится. Следующий!

Поблизости раздается трижды протяжный, хриплый звук рога, предвещающий приближение Смерти. Никто, однако, его не слышит. Встает оратор, старик с красным лицом.

- Я заметил, что вся их сила (*указывает наверх*) в книгах. Когда человек прочтет много книг, он становится умный. А когда он становится умный, он начинает грабить, и с ним ничего не поделаешь. Тогда у него делается особенное лицо, и речь, и платье, а мы остаемся в дураках, и из нас как насосом выкачивают жизнь. И я предлагаю уничтожить их книги. Я ненавижу книги. Когда мне попадается одна, мне хочется ее бить, плевать ей в рожу, топтать и говорить: сволочь! сволочь!..
- Но как уничтожить?
- Вы глупы, оратор. Они напечатают вновь.
- Еще больше.
- Книг так много!
- Довольно! Голосование потом. Следующий оратор.
- Я предлагаю...

Пьяница, бывший председатель, валится со стула. Одновременно с этим входит Смерть и садится на свободное место. Вверху – веселая музыка, и кто-то красивый подходит к окну и неопределенно всматривается в темноту улицы. При свете можно рассмотреть лицо Смерти. Оно маленькое, сухое, темное, с большими темными провалами глаз и постоянно обнаженными крупными зубами, похожими на белые клавиши рояля. Очень спокойное. Пьяницу осматривают.

Председатель. Издох. Отволоките его в угол.

Труп грубо отгаскивают в угол, и там лежит он все время, выпятив круглый живот, подошвами к зрителям.

- Прошу на места. Кто это плачет?
- Его любовница.
- Его любовница? Сударыня, и вы могли любить эту свинью? Прошу вас замолчать, однако. Иначе велю вывести. Молчать!
- Я не буду.
- Прошу оратора продолжать.
- Я предлагаю, извините... Тут есть сад со зверями, с тиграми... Я предлагаю: взломать клетки и выпустить зверей.
- Это глупо. У них есть ружья, дома – вас слопают первого...
- Ну хоть попугать.
- А зачем это нужно?
- Так, весело очень. А потом (*говорит нежным голосом*) , там в саду бывают ихние деточки, так вот, может, хоть одного ребеночка... деточку...
Посмотреть бы.
- Это бы и я посмотрел.
- Мне нравится.

Плаксиво шмурыгает носом и просит.

- Одного бы... деточку...
  - Верно! Верно! Нужно уважить старика.
- Председатель** (*гневно*) . Молчать! Что вам один их ребенок, десятки, сотни. Долой нежности! Необходимо дело. Предлагайте! Предлагайте!

Все растерянно переглядываются, бессильные что-либо придумать.
Отдельные вскрики:

- Бить их на улицах!
  - А полиция?
  - Собраться в дружины и...
  - Мы раньше перегрыземся сами.
  - Вот что! Слушайте. Да слушайте же! Заразить их нашими болезнями.
  - Сифилисом!
  - Тифом!
  - Холерою!
- Председатель.** Вздор! У них есть доктора. На тысячи наших ихних подойдет только один. Да ищите же! Неужели мы так бессильны?
- Проклятые книги!
  - Что делать?
  - Танцуют.
  - Где же Отец?
  - Мы бессильны! Проклятые! Танцуют. Где Отец?

Все, за исключением спокойно сидящей Смерти, вскакивают и, смешавшись в груды разъяренных тел, протягивают к низкому, давящему своду угрожающие руки.

- Проклятые!
- Танцуйте! Танцуйте!
- Мы придем к вам. Открывайте двери, мы придем к вам!
- Передушим ваших детей!
- Проклятые!
- Сожжем ваши книги!
- Принесем вам и сифилис, и холеру, и тиф!
- Проклятые!

Бессильный и злобный скрежет зубов. Быстро входит Царь Голод.

Царь Голод. Дети мои!

Все со стонами, с плачем, с рыданиями и визгом бросаются к нему, окружают, падают на колени, ловят его руки. Образуется группа: в центре, возвышаясь, Царь Голод, и у ног его, дрожащие, прижимаются к нему несчастные. В стороне остаются только Смерть и Председатель-Хулиган. Он сложил руки на груди и презрительно смотрит на стонущих.

Царь Голод. Дети мои! Любимые дети Голода! Несчастные дети мои!
(*Гладит по склоненным головам.*)

Все стонет. Отделяется один и, стоя на коленях, говорит дрожащим, запинаящимся, картавым голосом, как ребенок.

– Отец! Посмотри, что они сделали со мною! Отец! (*Плачет, утирает слезы и продолжает.*) Отец, посмотри, какой у меня низенький лоб. Я не могу думать, Отец. Посмотри на мои глазки – разве это глаза? В них ничего не видно. Они всего съели меня. Отец; Я плакать буду. (*Плачет.*)

- Почему он плачет один? Разве мы лучше?
- Разве ему хуже, чем нам?
- Будем плакать! Будем плакать!
- Положи руку на мою несчастную голову. Я ребенка убила.
- Приласкай меня, Отец!
- Пожалей!
- Несчастные мы! Забытые!

Плачут. И, закрыв руками лицо, плачет сам Царь Голод.

– Бедные! Бедные! (*Говорит он сквозь слезы.*)

Все слова, стоны и рыдания сливаются в один протяжный вопль, полный невыносимой, подземной тоски. Музыка вверху, точно испугавшись, играет красиво и печально. И, презрительно сложив руки на груди, смотрит на плачущих Председатель.

Царь Голод (*очнувшись*) . Довольно, дети!

Председатель. Да. Я думаю, что довольно хныкать. Отец, простите меня, но вы внесли беспорядок в наше собрание. Мы люди занятые, нам некогда.

Царь Голод. Продолжайте заседание.

Председатель. Вам принадлежит председательское место.

Царь Голод. Останьтесь на нем вы. Я буду только гостем.

Председатель (*польщенный, кланяется*) . На места! Молчать!
Кто еще плачет? Закройте шлюзы, иначе выгоню!

Все, вздыхая, рассаживаются.

Царь Голод (*садится возле Смерти*) . И ты тут?

Смерть. Да, – дело было.

Царь Голод. Вон тот, в углу?

Смерть. Да. И еще будет.

Председатель (*звонит*) . Заседание продолжается. Кто имеет сказать?

Встает маленькая **Девочка** ; у нее очень бледное тонкое лицо и большие, черные, печальные глаза. Оправляет платьице. За несколько времени до ее речи, произносимой очень нежным детским голоском, но без смущения, – наверху, у освещенного окна, происходит следующее. Отодвигаются гардины, и входят двое: молодая **Девушка** с обнаженной гордой шеей, на которой легко и строго сидит красивая задумчивая головка, и через мгновение, следом за ней, влюбленный **Юноша** . Он любит ее красивою и чистою любовью, а она?.. Быть может, любит, быть может, нет. Стоит, опустив ресницы, прекрасная и гордая; и вдруг быстро пожимает ему руку, и вдруг, как солнце, озаряет его кротким, сияющим взглядом, и светлой тенью выскальзывает из-за светлых гардин. Он протягивает за ней руки; но ее нет; и, полный счастья, быть может, слез, обращает он к темной улице свое побледневшее лицо.

А внизу:

Председатель. Ты, девочка? Разве ты умеешь говорить?

Девочка. Да. Я хочу сказать тоже. Можно?

Царь Голод (*удивленно*) . Чей это ребенок?

Девочка. Я не ребенок. Я блудница. Мне сейчас двенадцать лет, хотя на вид я кажусь несколько старше. А когда мне было десять, мамаша продала меня одному господину (*показывает наверх*) за двадцать рублей и бутылку водки.

Это недорого, но мамаша тогда была неопытна, так как я первая ее дочь; остальные пошли дороже. Сестричка Лизанька, которая удавилась...

Председатель. Говори только о себе. Нам некогда.

Девочка. Хорошо – я так только, вспомнила. С тех пор вот уже два года я каждую ночь имею одного или двух мужчин, но платят они недорого. И деньги мои – ведь это мои деньги? – я отдаю моему любовнику, чтобы он не так бил меня...

Встает рослый **Франт** , с рыжими усами, и хрипло, с самодовольством, подтверждает:

– Это я.

– Молчать! Продолжай, но короче.

– Что же еще? Ах, да. Я научилась пить водку; я и теперь пьяна, но только немного. Что же еще? Ах, да. У меня очень болит сердце. (*Садится.*)

Царь Голод (*поднимает голову кверху и говорит тихо, сквозь зубы*) . Вы слышите, проклятые!

Председатель. Девочка, встань. Чего же ты хотела бы для них?

Девочка (*встает и оправляет платьице*) . Я желала бы, чтобы все они умерли.

Царь Голод (*наклоняясь к Смерти*) . Ты довольна?

Смерть. Да, приятно слышать.

Председатель. Убежден, что девчонка высказала наше общее пожелание. Но чтобы не вышло (*рисуюсь*) юридической ошибки, я ставлю вопрос на баллотировку. Тех, кто желает оставить им жизнь, – прошу встать.

Все сидят. Один пьяный пробует встать, но ему объясняют, в чем дело, и он садится.

Так. Никто. Теперь прошу встать тех, кто за смерть.

Все дружно встают, в том числе Царь Голод и Смерть.

Так. Встали все.

Суровый и мрачный голос. Нет, еще не все. А вон тот? *(Показывает в угол, где лежит мертвый.)*

Все взоры угрюмо оборачиваются в эту сторону.

Сдержанные мрачные голоса. Он также должен голосовать.

– Мертвые также имеют голос.

– Поднимите его!

– Поднимите мертвого!

Подходят трое и, среди молчания, поднимают мертвого и держат его стоя.

Голова мертвеца свесилась, колени подогнуты.

Суровый голос. Теперь все.

Председатель *(говорит торжественно, протянув руку вверх)* . Присуждены к смерти единогласно. Прошу садиться.

Царь Голод *(Смерти, тихо)* . Послушай, тебе нельзя вставать.

Смерть. Убирайся!

Председатель. Но чтобы впоследствии не заслужить упрека в несправедливости и соблности все необходимые... *(Запинается.)*

Царь Голод *(подсказывает)* ...процессуальные.

Председатель. Да, я знаю... процессуальные формы, я предложил бы кому-нибудь из присутствующих взять на себя их защиту. Кто желает?

Молчание. Подозрительно и хмуро оглядывают друг друга. И внезапно дружно-веселый хохот.

Голоса. Он остроумен!

– Защищай сам!

– К дьяволу их!

– Молчать! И так, никто из присутствующих...

Встает старая пьяная **Женщина** .

– Вот только насчет детей. Детей бы не нужно убивать.

Вскакивает худой, длинноволосый, с близоруким, ошалелым взглядом.

– Ну да: не надо детей, а потом не надо женщин. А дети вырастут, а женщины нарожают новых... Это, тетка, называется гуманизм; нам, тетка, это не к лицу... Детей!

– Ну, не знаю, как хотите. Я думала... а может, и ваша правда. Я не знаю.

Поднимается беззубый, бритый. Лицо и лысина ярко-красного цвета, нос синий; и говорит он вкрадчиво.

– Как бывший юрист, я осмелюсь, однако, предложить в рассмотрение такой казус. В

некоторых случаях, при так называемых волнениях или народных бедствиях, одному из членов нашей почтенной корпорации приходится вступить в интимные отношения с одной из тех (*указывает наверх*) дам или девиц, результатом чего является плод. Так как же полагает собрание относительно детей, родившихся от подобного морганатического брака? Убивать также или оставлять некоторым образом на семя? Для обсеменения, так сказать, человечества? Председатель. Это к делу не относится.

– Виноват-с. Как бывший юрист... (*Садится.*)

Председатель. Вопрос о средствах. Здесь, Отец, обсуждался вопрос о средствах, как уничтожить... А где же тот, которому нужно вырезать семью?

– Он очень извиняется. Он ушел.

– И вот, как раз перед вашим приходом. Отец, мы пришли к очень грустному выводу: мы бессильны!

Царь Голод. Вы бессильны?

Председатель. Да.

Царь Голод. Вы? Кто же тогда силен, если не вы, любимые дети Голода!

Председатель. Но мы не можем причинить им настоящего вреда.

Царь Голод. Вы? Да разве теперь, спокойно сидя здесь, в подвале, вы не являетесь тем мраком, который гасит их огни? Разве, издыхая, не источаете вы яд, который отравляет их? Вы почва города, вы первооснова их жизни, вы щиплющийся ковер, к которому прилипают их ноги. Великий мрак идет от вас, дети мои, и безнадежно трепещут во мраке их жалкие огни.

Председатель (*гордо*). Это правда.

Голоса. Но это мало!

– Их нужно истребить!

– Отравить воду!

– Научи, Отец! Мы ждали тебя. Не оставь детей.

– А иначе к черту!

– Танцуют, проклятые!

Председатель. Молчать!

Царь Голод (*встает*). Вам мало этого! Вы недовольны? Так слушайте, дети мои: готовится великий бунт!

Голоса. Ого!

– Бунт!

– Горячая потеха! Хо-хо-хо!

– Запасайтесь спичками.

– Спички дешевы!

– Народное бедствие. В это время не платят страховых премий!

– Огонь!

– Будет светло. Хо-хо-хо!

– Молчать!

Царь Голод. Но ждите, дети мои. Пробегут короткие дни, и Время снова ударит в колокол вполночь. И тогда – на улицы, в дома!

Стонут от восторга и скрежещут зубами.

– А пока – выползайте понемногу из ваших нор. Черными тенями легонько крадитесь среди народа – и насилуйте, убивайте, крадите и смейтесь, смейтесь! Уже легче стало дышать, уже пахнет гарью и свободнее выходит наружу зверь – близится ночь. Когда ударит колокол...

Полный беспорядок. Крики восторга, шум, дикий свист. Кто-то в безумии кружится как юла, падает на пол и хохочет. Прорезаются отдельные возгласы.

- На улицы!
- В дома! В их спальни!
- Будем жечь! Жечь!

Восторженный визг.

- Я буду много кушать.

Протяжный дикий свист.

- Сожжем весь город!
- Главное – книги! Книги, книги, книги!
- Будем дробить головы.
- Да здравствует Смерть!

Смерть встает и серьезно кланяется.

- Ага, проклятые! Дождались! – Танцуют! – Скоро, скоро.
- Туда, наверх.

Как сухой лес, тянутся кверху худые угрожающие руки. Свист.

- Дождались. Ага! Скоро, скоро. Танцуйте, проклятые!
- Да здравствует Смерть!

Смерть снова встает и серьезно кланяется. Шум несколько тише.

Председатель, с ярко горящими пятнами румянца на скулах, жмет руку **Царю Голоду**

- Спасибо, Отец.
- Много прольешь ты крови, сынок.
- Много, Отец.
- Танцевать!

Восторженный визг.

- Я буду много кушать!
- Танцевать!
- Музыка бесплатная.
- Пока внизу.
- А там и наверх!

Председатель (*вскакивает на бочонок и кричит*) . Тише! (*Продолжает, несколько рисуясь.*) Господа, я предлагаю, пользуясь тем, что музыка бесплатна, устроить легкий бал. Думаю, что присутствующие дамы и девицы одобрят мое предложение.

Радостный визг.

А что вы скажете, Отец?

Царь Голод (*громко*) . Да. Они танцуют – будем танцевать и мы. Сольем наше веселье – пусть пляшет вся земля! Танцуйте, дети!

Голоса. Танцевать! Берите дам!

- Пусть Отец дирижирует.
- Отец, Отец!

Хохот. Обступают Отца. Он, также смеясь, добродушно отнекивается. Получается дикое сходство с обыкновенной мещанской вечеринкой.

Царь Голод. Да я и танцевать-то не умею. Ей-богу! Пойдите, пойдите, пойдите, куда тащите старика.

Голоса. Просим. Отца! Отца!

Царь Голод. Вот разве она? (*Указывает на Смерть.*)

Смерть (*сердито*) . Убирайся!

Голоса. Ну, пожалуйста, ну, милый, ну, Отец.

Царь Голод. Ну, хорошо. Ну а за даму можешь быть?

Смерть. Да – это могу.

Музыка вверху играет кадрили. Становятся в пары. Царь Голод со Смертью.

Царь Голод . Retournez. La premiere figure! Commancez [¹].

Все танцуют ухарски, с вывертами, с гиканьем, с громким притоптыванием ногами. Смерть вначале несколько жеманится и томно кладет голову на плечо к кавалеру, но постепенно расходится и начинает канканировать.

(*Громко.*) Смерть, Solo!

Танец смерти

Все с хохотом останавливаются, и Смерть танцует одна. С совершенно серьезным и неподвижным лицом, оскалив белые зубы, она стоит на одном месте и выделывает ногою, слегка приседая, два-три движения, выражающие ее крайнее веселье. Голову она кокетливо и медленно поворачивает со стороны в сторону, как бы обливая всех мертвым светом белых оскаленных зубов. Вначале на нее смотрят со смехом и даже слегка аплодируют, но постепенно смутный страх овладевает всеми и гасит голоса. Безмолвие. Внезапно в углу вспыхивает ссора. Крики, голос Председателя.

- Оставь мою даму!
- Тут нет своих дам.
- Прочь!
- Не смей бить.
- Ага, ты так!
- Убью. Кто это? Стойте! Стойте!

Общая свалка. Громкий стон и проклятие. Кто-то грузно падает. Из расступившейся толпы выходит Председатель, со злобно оскаленными зубами, в руке нож.

- Ну, кто еще? (*Оглядывается назад*) . Выходи.
- Нашел дурака.
- Кого это, а?

---

¹ Повернитесь. Первая фигура! Начинаем (*франц.*) .

Царь Голод (*покровительственно*) . Ты что же это своих?
Председатель (*бледно улыбается*) . А разве есть свои?
Смерть (*мрачно*) . Да – и потанцевать не дадут.
Крики. Танцевать! Отволоките его в сторону. Ого-го-го-го!

Беспорядок. Бессмысленные выкрики, шум, дикий продолжительный свист.

Опускается занавес .

Картина третья Суд над голодными

Подобие судейской залы.

Налево наискосок, вполоборота к зрителям, сидят за столом Судьи. Стол находится на возвышении и покрыт черным сукном; атрибуты судопроизводства: голый подержанный череп, закапанный слегка чернилами и стеарином, небольшая игрушечная английская виселица и высокая четвертная бутылка с красным, как кровь, вином. Судей пятеро, председательствует Царь Голод; все Судьи одеты в черные мантии и пышные напудренные парики. Двое по бокам Царя Голода необыкновенно худы и тощи, с длинными, вытянутыми до чрезмерности лицами; и рты у них похожи на перевернутую букву V; следующие два чрезмерно толсты, бочкообразны, сонны, и рты у них кружочками, напоминают верхушку задернутого кошелька.

Внизу, за маленьким столиком, согнувшись, Секретарь с необыкновенно большим гусиным пером.

У задней стены, на возвышении, пюпитр, за которым сидит неподвижно **Смерть** .

Занимая весь правый угол картины, ближе сюда, отделенные от суда низенькой решеткой, помещаются на удобных скамейках и в креслах Зрители.

Все они одеты как на бал: женщины в пышных платьях, сильно декольтированы, украшены драгоценностями: жемчужные кольца, бриллиантовые диадемы, золото; у одной из них. Миллионерши, пальцы до самых ногтей унизаны перстами. Только одна девушка, хотя и декольтированная, но одета очень просто, в черном, открытом платье. В общем, женщины красивы и породисты, за исключением двух старух, одетых также пышно, и притом одна из них в ярко-красном.

Мужчины во фраках и сюртуках, тщательно выбриты и причесаны у парикмахера, благообразны и чисты. У **Профессора** , например, седые кудри необычайной белизны и вообще вид патриарха. Есть толстые, из коих один, с огромным животом, еле помещается в кресле и постоянно засыпает. Трое юношей: один, глупый, с моноклем и выражением восторга на прыщавом лице; другой равнодушный, пресыщенный; третий с пышными черными волосами, демонической внешностью и выражением на лице мировой скорби.

Все указанные свойства, как толщина, так и худоба, как красота, так и безобразие, достигают крайнего развития.

При открытии занавеса **Царь Голод** и за ним все остальные **Судьи** встают и почтительно кланяются сперва **Смерти** , которая отвечает угрюмым кивком головы, и затем **Зрителям** .

Царь Голод. Милостивые государыни и государи! Позвольте приветствовать вас в зале правосудия. По вашему желанию, которое для нас закон...

Кланяется и смотрит на товарищей, – и те по очереди, каждый с поклоном, подтверждают:

– Закон.

– Закон.

– Закон.

Царь Голод (*продолжает*) ...которое для нас закон, мы собрались сюда, чтобы судить голодных. Для этого мы надели мантию и парики, поставили стол, влезли на возвышение и внизу посадили секретаря с большим гусиным пером.

Секретарь быстро кланяется.

Он служит по вольному найму, и хотя голоса в решении не имеет, но совершает в протоколах ошибки. Иногда эти ошибки являются источником неприятностей, иногда же – ибо все в этой жизни неисповедимо...

Находящийся среди зрителей **Аббат** вздыхает и поднимает глаза к потолку.

...служат источником нового действующего права. Что это значит, сударыни, вам объяснит господин профессор, которого я имею честь лицезреть в вашей уважаемой среде. Теперь же приступим к суду. (*Усаживаются.*) Введите первого голодного.

Разговор зрителей

– Как торжественно!

– Мантии и парики придают им такой строгий вид. Их даже трудно узнать...

– Так нужно. Необходимо, чтобы суд внушал к себе уважение.

– Мамочка, а зачем на столе череп и виселица?

Профессор. Это, дитя мое, символы. В Англии...

– Посмотрите, какой нос у того судьи, совсем как кончик собачьего хвоста. Ну, честное слово, он облизнул его языком.

– Как вы насмешливы. Вы так молоды, вы должны уважать суд.

– Да я его, честное слово, уважаю. Но ведь у него такой смешной нос!

– Это неважно, какой нос у судьи. Важно, чтобы судья был справедлив и не щадил голодных.

– Иначе мы возьмем других. Они это знают.

– Суд надо уважать.

– Суд – это мы. Суд надо уважать.

– Как интересно! Это похоже на театр.

Толстый (*просыпается*) . Которого судят?

– Еще не начинали, ваше сиятельство.

– Что же это они!

– Ведут! – Ведут! – Как это интересно! Какая рожа! – Мамочка, он не кусается? – Не бойтесь, дитя мое, на нем довольно крепкий намордник. – Слушайте! Слушайте! – Ах, как интересно!

Вводят **Первого Голодного** – оборванного старика с разбитыми ногами. На лице у него проволочный намордник.

Царь Голод. Снимите с голодного намордник. Ты что сделал, голодный?

Старик (*говорит разбитым голосом*) . Украл.

Царь Голод. Сколько украл?

Старик. Я украл пятифунтовый хлеб, но у меня его отняли. Я успел откусить только кусочек. Простите меня, я больше не буду.

Царь Голод. Ты что же – получил наследство? Или есть больше не хочешь?

Старик. Нет, хочу. У меня его отняли. Я откусил только кусочек...

Царь Голод. Так как же ты не будешь воровать? Почему ты не работал?

Старик. Нет работы.

Допрос продолжается.

Разговор зрителей

– И этого несчастного судят! Душа моя кипит негодованием и презрением к человечеству...

– Оставь, разве тебе не все равно.

– Но пойми же!

– Ты волосы завиваешь или они выются от природы?

– Слегка.

– А у меня начинается лысина. Это в двадцать четыре года!

Профессор. ...Уголовное право, сударыня, разделяется на две части: на первую часть и на вторую часть. В первой части говорится о преступлениях вообще, и я должен признаться, сударыня, что это наиболее слабо разработанная часть.

– Ах, как жаль! Почему же ее не разработают?

– Ибо сама сущность преступления остается не вполне разгаданной наукой. Зато вторая часть, где говорится о преступлениях в частности и соответствующих наказаниях...

Царь Голод. А где же твои дети, голодный? Почему они не кормят тебя?

Старик. Они умерли с голоду.

Царь Голод. Почему же ты не захотел умереть с голоду, как дети?

Старик. Не знаю. Захотелось жить.

Царь Голод. А зачем тебе жизнь, голодный?

Голоса. Действительно, зачем они живут? Я этого не понимаю.

– Чтобы работать.

– Но когда работа кончается? Не можем же мы вечно доставлять им работу!

– Чтобы славить господа и укрепляться в сознании, что жизнь...

– Ну, не думаю, чтобы они очень Его славили.

– Было бы лучше, если бы он умер.

– Довольно скучный старикашка, И какой фасон брюк!

– Слушайте! Слушайте!

Царь Голод (*встает, громко*) . Теперь, милостивые государи, мы сделаем вид, что размышляем. Господа судьи, прошу вас принять вид размышляющих.

Все судьи на некоторое время принимают вид размышляющих: морщат лбы, смотрят в потолок, подпирают нос пальцем, вздыхают и вообще, видимо, стараются. Почтительное молчание. Затем в том же молчании, с глубоко торжественными и серьезными лицами. Судьи встают и все сразу поворачиваются к **Смерти** . И так же все сразу медленно и низко кланяются ей, вытягиваются ей навстречу.

(*Согнувшись.*) Что изволит сказать...

Смерть (*быстро встает, сердито стучит кулаком по столу и говорит скрипучим голосом*) . Осужден – во имя дьявола! (*Так же быстро садится и замирает в злой неподвижности. Судьи садятся также.*)

Царь Голод. Голодный, ты осужден.

Старик. Пожалейте!

Царь Голод. Наденьте на него намордник. Введите следующего голодного.

Пока **Голодного** выводят, **Зрители** в таких словах выражают свои чувства:

- Зачем ему жить?
- Лучше умереть.
- Скажите ему.
- Умри, старик, умри.
- Умри, старик, умри.

Все тихо шепчут, махая руками, точно навевая сон:

- Умри, старик, умри. Умри, старик, умри. Умри, умри, умри!..

Водят нового **Голодного**. Веселые голоса:

- Ведут! Ведут!
- Какой зверь!
- Да, это не меньше убийства!
- Посмотрите на его лоб.
- Как страшно!
- Вы очень нежны, дитя мое.
- Тише.

Быстро вводят **Второго Голодного** и снимают намордник. Это здоровый детина с низким бычачьим лбом; грудь его наполовину раскрыта; смотрит исподлобья, угрюмо.

Царь Голод. Ты что сделал, голодный?

- Я изнасиловал барышню в лесу.

Выражение ужаса и приятного волнения.

- Какой ужас!
- Вот зверь!
- Это и меня захватывает.
- Позор для человечества такие люди.
- Которого?

Царь Голод. Почему ты это сделал?

- Замуж за меня она ведь не пошла бы. А мне очень ее захотелось.
- Почему ты не удовольствовался женщинами, какие есть у вас, голодный?
- Наши женщины грубы и некрасивы от голода и работы. А эта была нежная и тонкая, с белыми руками. А ребенок у нее будет?
- Нет, мы приняли искусственные меры и удалили зародыш.

Голодный (*угрюмо*). Хитрые.

- Что можешь ты сказать в свое оправдание, голодный?
- ...Преступления посягательства на женскую честь делятся на...
- Ах, погодите, господин профессор, так интересно.
- В оправдание? Что, если бы я мог, я изнасиловал бы вон ту, и вон ту, и вон ту. Старуху в красном не стал бы, пусть остается вам.

Старушка падает в кратковременный обморок. Все в волнении.

- Какой ужас! Это настоящий зверь!
- И меня! Вы заметили, он показал на меня. Он согласен меня изнасиловать!

– Вы ошибаетесь. Он показал на меня.

Ссорятся. **Девушка в черном**, которая все время молчала, вдруг встает и говорит громко, с вызовом.

– А почему ты думаешь, что она не вышла бы за тебя замуж? Я бы вышла, быть может.

Голодный (*угрюмо*). Посмотри получше.

– Ты прав: не вышла бы. Ты слишком груб.

– Вот то-то. А я бы тебя изнасиловал.

– Нет, скорее убил бы.

– Да – и убил бы.

Девушка садится. **Юноша с демонической внешностью** смотрит на нее мечтательно, но она не обращает на него внимания. Свои оглядывают ее с некоторым страхом. Однако!

Царь Голод. Господа судьи, прошу принять вид размышляющих.

Повторение той же процедуры с тою же торжественностью вплоть до низкого и протяжного поклона **Смерти**.

Смерть (*вскакивает, стучит кулаком по столу*). Осужден – во имя дьявола!

Голодный (*Девушке*). В лес не ходи одна.

Царь Голод. Наденьте намордник. Введите следующего голодного.

Вводят **Голодную**. Это молодая, стройная, но крайне истощенная женщина с бледным, трагическим лицом. Черные тонкие брови, сходящиеся у переносья, и пышные волосы, небрежно связанные узлом и спадающие на спину. Женщина не кланяется и по сторонам не глядит, как будто никого не видит. Говорит бесстрастно, мертвым голосом.

– Ты что сделала, голодная?

– Убила своего ребенка.

– Какой ужас! Эти женщины совершенно лишены материнского чувства.

– Чего же вы от них хотите? Вы меня удивляете.

– Как она прекрасна. В ней есть что-то трагическое.

– Женись!

– ...Преступление детоубийства в древности не считалось таковым и рассматривалось как естественное право родителей. И только с введением в нравы гуманизма...

– Ах, погодите же, господин профессор!

– Но наука, дитя мое...

Царь Голод. Расскажи, голодная, как ты сделала это.

Опустив руки, не двигаясь, женщина говорит бесстрастно и мертво:

– Я с моей девочкой шла ночью через реку по очень длинному мосту. И так как я уже раньше решила это, то, выйдя на середину, где река глубока и быстра, я сказала: посмотри, дочечка, как шумит внизу вода. Она ответила: я не достану, мамочка, перила очень высоки. Я сказала: дай я подниму тебя, дочечка. И когда она стала смотреть вниз, в черную глубину, я перекинула ее туда. Всё.

– Она цеплялась?

– Нет.

– Кричала?

- Да, раз вскрикнула.
- Как ее звали?
- Дочечка.
- Нет, имя. Как ее звали?
- Дочечка.

Царь Голод (*закрывает руками лицо и говорит несколько дрожащим, глухим голосом*) . Господа судьи, прошу принять вид размышляющих.

Судьи морщат лоб, смотрят в потолок, жуют губами. Почтительное молчание. Потом встают и низко кланяются **Смерти**.

Смерть. Осуждена – во имя дьявола!

Царь Голод (*встает и говорит громко, протягивая руки к женщине, точно покрывая ее невидимым черным покровом*) . Ты осуждена, женщина, слышишь? Ты пойдешь на смерть. Ты пойдешь в ад и там будешь гореть на вечном, на неугасимом огне! Твое сердце будут рвать дьяволы железными когтями! В твой мозг вопьются ядовитейшие змеи подземные и будут жалить его, и будут жалить, и никто не услышит твоего крика, потому что ты будешь молчать. Да будет вечная ночь над тобою. Ты слышишь, голодная?

- Слышу.
- Наденьте ей намордник.
- Погодите!

Это говорит **Девушка в черном** . Быстро подходит к Голодной и протягивает ей руку.

- Дай твою руку, несчастная.
- Не дам. Я презираю тебя.
- Меня?
- Да, тебя. Ты будешь в раю.
- Ты презираешь меня? Ты, убийца? (*Остается с протянутой рукой. Закидывает голову и кричит гневно, в неистовстве.*) Так ведите же ее в ад!

Общий крик, но так, что слышно отдельные голоса:

- В ад ее! В ад! В ад!
- Тешьтесь над нею, дьяволы!
- В ад!
- Рвите ей сердце железными когтями!
- Душите ее, змеи!
- Жальте! Жальте! Впейтесь в мозг! Рвите ей сердце!
- Ага-го-го-го-го!

В исступлении машут на женщину руками.

Царь Голод (*властно*) . Тише! (*И кротко, к неподвижно стоящей женщине.*)
Ступай, дочь моя.

Голодную уводят.

Царь Голод (*обращается к Зрителям очень веселым и открытым голосом*) . А теперь, милостивые государи, я предложил бы сделать перерыв и покушать. Правосудие – вещь утомительная, и нужно подкрепить силы. (*Галантно.*)
Особенно прекрасным дамам и девицам. Прошу!

Радостные возгласы. Кушать! Кушать!

- Пора!
- Мамочка, где конфеты?
- А ты все только конфеты!
- Которого?
- Кушать зовут, ваше сиятельство.
- Ага! Почему же меня раньше не разбудили?

Внезапно все принимает очень веселый, милый, домашний вид. **Судьи** стаскивают парики, открывая лысые головы, и постепенно вмешиваются в толпу, пожимают руки и искоса, с притворным равнодушием, поглядывают на кушающих.

Рослые лакеи в расшитых ливреях, с трудом сгибаясь под тяжестью, приносят огромные блюда с гигантскими порциями: целые бараньи туши, колоссальные окороки, высокие, как горы, ростбифы. Перед **Толстым** на низенькой скамеечке ставят целую зажаренную свинью, которую приносят трое. Он смотрит на нее с сомнением.

- Не поможете ли, господин профессор?
- С радостью, ваше сиятельство.
- А вы, господин судья?
- Хотя я кушать не хочу, но, если позволите...
- Быть может, и мне будет дозволено... *(Скромно говорит Аббат, глотая слюни.)*

Вчетвером садятся вокруг свиньи и молча с жадностью полосуют ее ножами. Иногда **Профессор** и **Аббат** случайно встречаются взглядами и тогда, не в силах жевать, со щеками, раздутыми пищей, застывают от ненависти друг к другу и презрения. Потом жуют усиленно и давятся. Все разбились на кучки.

Смерть вынула из кармана сухой бутерброд с сыром и кушает в одиночестве. Тяжелый разговор набитыми пищей ртами. Чавканье.

- Пожалуйста, еще кусочек. Очень вкусно.
- Как на пикнике. Великолепный парень – этот Голод.
- Хорошо мы ее, однако!
- А все-таки она прекрасна.
- Ростбиф необходимо кушать с кровью. Это...
- Мамочка, почему их не судят всех разом?
- Не знаю, деточка, спроси у профессора.
- Господин профессор!
- Гм?
- Господин профессор!
- Гм!
- Черт возьми, где же моя салфетка?
- Господа, совершилось преступление кражи: у советник? украли вставные зубы.

Смех. Чавканье. К **Царю Голоду**, стоящему в стороне, подходят **Первый Рабочий** и **Председатель – Хулиган**. Одеты они прилично и до сих пор сидели незаметно на одной из отдаленных скамеек.

Рабочий. Как жрут! Зачем ты с ними, Царь? Я ничего не понимаю. Ты изменяешь нам? Смотри!

Хулиган. И это твой суд. Отец? *(Гневно.)* Ты хочешь, чтобы я тут же перерезал тебе глотку?

Царь Голод. Вы слепы оба. Это не мой суд. Это суд над моими детьми.

– Но ты же председатель!

– Разве вы не понимаете, что я делаю? Ведь каждый, побывавший здесь, навеки становится их врагом. Я развращаю их и учу делать мерзость. Я въедаюсь в самую сердцевину их жизни, наполняю ее гнилью и разрушаю ее. Они уже перестали понимать, что такое правда, – а ведь это начало смерти. Ты понимаешь это?

– Но ты делаешь это как лакей!

Царь Голод (*гневно*). Тише, сын мой! Не оскорбляй того, кто несчастен.

(*Сдерживаясь.*) Подумай, разве оттого, что мы судим, меньше становится краж, убийств, насилий? Их больше. Спроси вон у их профессора...

– Я этого не понимаю. Я вижу только, как мои братья...

– У тебя же нет своих!

– Отец, правда та женщина пойдет в ад?

– Да. И ты также.

Хулиган плачет.

– Ты плачешь? Ты, сын мой, плачешь?

– Отец, Отец. У меня есть только нож. Кого же мне резать?

Рабочий. Не нужно резать. Надо работать, работать.

– Отец, ты говоришь: и мне ад. Пусть – но как бы мне спасти ее? Я уже вижу дьяволов, которые подходят к ней. Отец, верни мне жизнь, скажи: ее можно спасти?

– Нет.

– Ты лжешь, старик!

Голоса. Однако и вчетвером мы ее не съели!

– Очень велика, ваше сиятельство!

Царь Голод. Уходите. Необходимо кончать. И слушайте меня: завтра...

– Завтра? Завтра?

– Тише! Ударит колокол!

– Завтра?

– Тише! Тише!

– О-о-о!

– На улицы! В дома!

– Тише!

– Завтра! Завтра! Завтра!

Тихо расходятся со зловеще-радостными лицами.

– Господин профессор, у вас на бороде осталась косточка.

– Ах, боже мой, где же это?

– Хотите конфету?

– Когда подумаешь, что у какого-то верблюда три желудка, а я, царь природы, принужден обходиться одним...

Царь Голод (*говорит с возвышения*). Очень жалею, но принужден вас беспокоить, господа. Прошу занять места. Суд продолжается.

Судьи поспешно натягивают парики. Во время дальнейшего разговора все занимают свои места.

– Простите, уважаемый коллега, но вы взяли мой парик.

– Ах, извините, ради бога. То-то я чувствую...

– Как, еще не кончено?

– Это невозможно. Мне нужно в театр! Сколько их там!

– Вы очень легкомысленны, молодой человек. Не забывайте, что мы пришли сюда не для удовольствия, что мы выполняем общественную обязанность, возложенную на нас нашим званием сытых и честных людей...

– Но честное слово!..

– Позвольте. Не забудьте, что каждый день...

– Исключая праздники.

– Конечно, исключая праздники, когда мы ходим в церковь и театр, – каждый день во всех местах нашей земли, где есть только культура, заседает суд и судит, и все-таки не может всех осудить...

– Кого надо.

– Конечно, кого надо. Подумайте, что произойдет, если только хотя на время суд приостановит свои действия...

– Но честное слово...

Царь Голод. Секретарь просит сообщить, что он сделал четыре ошибки, но не может найти – где. Ошибки, впрочем, таковы, по его словам, что могут послужить источником действующего права.

Секретарь быстро кланяется. Слабые аплодисменты.

Царь Голод. Введите следующего голодного.

Быстро вводят двоих: худенького **Мальчика** в наморднике и пожилую, оборванную **Женщину** с выражением на лице муки и растерянности. Женщина всем низко и часто кланяется.

Ты что сделал, голодный?

Один из судей, тощий, внезапно прерывает:

– Позвольте, почему она без намордника?

Тюремщик. Это мать обвиняемого. Она хочет говорить за него.

– Раз она хочет говорить, значит, и ей надо надеть намордник. Делаю вам замечание. Секретарь, запишите.

– Что же ты сделал, голодный?

Женщина *(падает на колени и молитвенно поднимает руки)* . Пожалейте!

Ведь он для меня украл яблоко, судья. Я больна была, он подумал: дай принесу ей яблоко. Пожалейте его! Скажи им, что больше не будешь, ну! Да говори же!

Голодный. Я больше не буду.

Женщина. Уж я сама наказывала его... Пожалейте его молодость, не режьте у корня его красные денечки!

– Конечно, пожалеешь одного, а там готов и другой. Нужно в корне пресекать...

– Нужно иметь мужество быть безжалостным.

– Это лучше и для них.

– Сейчас он мальчик, а вырастет...

– Mamочка, мне жаль бедную женщину. Можно послать ей милостыньку?

– А у тебя есть мелочь?

– Прелестное дитя! Какое сердце!

Царь Голод. Прошу господ судей принять вид размышляющих.

В течение всей процедуры мать с надеждою смотрит на **Судей** . Когда **Смерть** стучит кулаком по столу и кричит хрипло: «Осужден – во имя дьявола!»

– **Женщина** вздрагивает и встает с колен.

– Голодный, ты осужден.

В бешенстве, поднимая к небу руки. **Женщина** кричит иступленно:

– Так будьте же прокляты! Пусть так же погибнут ваши дети! Пусть искусают их бешеные волки!

– Намордник! Скорее намордник!

– Пусть высохнет их сердце! Пусть в камень претворится их душа!

Пусть...

Женщине надевают намордник. Ликующий голос **Председателя-Хулигана**:

– Отец! Ты видишь, как они жалеют наших детей. До завтра!

– До завтра!

– Тише!

– Вижу, сын мой!

– Тише! Кто это?

– Тише!

Царь Голод. Введите следующего голодного.

С большими предосторожностями трое тюремщиков вводят человека необычайно мощного вида. Взгляд у него ясный и открытый, говорит просто и спокойно:

– Ты что сделал, голодный?

– Я не знаю. Я не сделал ничего. Я надеюсь, что суд освободит меня. Я всегда был покорен и делал то, что мне приказывали.

Общее недоумение.

Царь Голод (*перешептывается с Судьями и обращается к Зрителям*) . Я вижу, господа, что для вас не совсем ясна вина этого человека. Но она велика, и вы сейчас поймете это. Он раб – и для раба он слишком силен и честен. Уже одним этим он оскорбляет нас, как людей утонченной культуры и, следовательно, не сильных. Затем: сегодня он послушен, но кто поручится за завтрашний день? И тогда в его силе и честности мы найдем жестокого и опасного врага. Несомненно, он достоин смерти – во имя справедливости.

Суждение зрителей

– Это совершенно справедливо. Сильные рабы опасны, даже когда они послушны.

– Да. Я нахожу, что Царь Голод наш истинный друг.

– Какое возмутительное тело. Раб – и такие прямые ноги!

– В цепи его!

– Он разорвет цепи. Смерть ему! Смерть!

Царь Голод. Прошу господ судей принять вид размышляющих.

Судьи размышляют, и **Смерть** стучит кулаком:

– Осужден – во имя дьявола!

Юношу с теми же предосторожностями уводят, и на его место появляется следующий

Голодный . Это существо необычайно дикого вида. Длинные до колен руки с огромными, морщинистыми, грязными конечностями, голова и лицо сплошь заросли спутанными волосами, тусклые глазки, звериная походка носками внутрь, боязливая и мнительная. Но есть попытки к чему-то человеческому.

Так, существо одето в какой-то очень странный, первобытный костюм: соединение коры деревьев, хитросплетенной грубой материи и каких-то подвязок. При входе оно даже делает попытку причесаться, но запутывается рукою в волосах.

Разговор зрителей

- Да это горилла!
  - Боже мой! Неужели мы будем судить еще целый зоологический сад! У меня театр!
  - Нет, это человек.
  - Да нет, горилла! Вы посмотрите на его голову.
  - На руки!
  - Не нужно снимать намордника. Оно, быть может, кусается!
  - Оно кланяется!
  - Оно человек!
  - Да нет же! Оно дрессированное. Что это?
  - Нужен каталог! В этих случаях нельзя без каталога! Как же мы будем судить, не зная, как оно называется!
  - Какой странный фасон. Интересно познакомиться с его портным.
- Царь Голод.** Так как здесь возникли сомнения, то прежде всего скажи нам: кто ты, голодный?

Голодный молчит.

- Оно не понимает!
  - Ну, конечно, горилла!
- Царь Голод.** Кто ты, голодный? Отвечай. Ты понимаешь человеческую речь?
- Голодный** (*отвечает глухим, заскорузлым голосом*) . Мы крестьяне.
- Я же говорил, что человек!

Общий хохот.

- Отчего милостивые господа хохочут?
- Это не твое дело, голодный. Ты этого не поймешь. Ты что сделал, голодный?
- Мы убили дьявола.

Общий хохот.

- Слушайте! Слушайте!
- Но ведь это прелесть!
- Какая наивность!

Хохот.

- Царь Голод.** Это был человек, которого вы сожгли.
- Нет. Это был дьявол. Это сказал нам кюре, и тогда мы сожгли его.

Среди **Зрителей** легкое замешательство.

– Что такое?

– Он лжет. Этого не может быть.

Профессор. Вот вредное влияние церкви на развитие народных масс. Преступления, вызываемые суеверием...

Аббат (*одною стороною лица с ненавистью глядя на Профессора, другою приятно улыбаясь Зрителям*). Он, очевидно, не понял, сударыня. Почтенный наставник желал только внушить им веру в существование добрых и злых сил – но, конечно, не убивать. Религия, сударыня, запрещает убивать.

– Ну да, – это другое дело!

– Совсем другое дело. При чем тут кюре, если он так глуп?

– Скажите, пожалуйста: вид гориллы, а лжет, как человек!

– Обвиняет почтенных людей.

– Негодяй!

Царь Голод. Прошу господ судей принять вид размышляющих.

Судьи на некоторое время принимают вид размышляющих. Затем все, почтительно склонив головы, вытягиваются к **Смерти**. Та вскакивает и яростно стучит кулаком по столу:

– Осужден – во имя дьявола! дьявола! дьявола!

Царь Голод (*встает*). Успокойтесь, уважаемая...

– Дьявола! дьявола! дьявола!

Все встают в ужасе, с разинутыми ртами.

– Дьявола! дьявола!

Наконец утихает и садится, замирая в неподвижности.

Царь Голод (*тихо*). Ничего особенного, господа. По-видимому, легкая усталость. Прошу садиться. Уведите голодного.

Все с разинутыми ртами садятся и некоторое время продолжают смотреть на **Смерть**.

(*Переешетывается с Судьями и заявляет весело.*) Поздравляю вас, господа. На сегодняшний день окончен наш нелегкий и неблагодарный труд. Но, во исполнение древнего обычая, имеющего символическое значение, мы, судьи, должны выпить по стакану этой жидкости. Налейте, господин судья. Не пугайтесь, господа, это не кровь, хотя по окраске несколько похожа на нее – так, к сожалению, требует обычай, – это только вино.

Встав и поклонившись друг другу, выпивают вино. Смерти также относят бокал, но она отталкивает его костлявой рукою.

В заключение, также согласно обычаю, позволю себе коротенькую речь, цель которой показать – насколько мы лучше, справедливее и выше всех других людей. Господа!.. Сегодня вы присутствовали при высокопоучительном зрелище.

Вечное небесное правосудие в лице нас, судей, ставленников ваших, нашло себе блестящее отражение на земле. Подчиняясь только законам вечной справедливости, чуждые преступной жалости, равнодушные к мольбам и проклятиям, слушаясь только голоса совести нашей – мы озарили землю светом человеческого разума и великой, святой правды. Ни на одну минуту не забывая, что основа жизни – справедливость, мы в свое время распяли Иисуса и с тех пор и до сего дня не перестаем украшать Голгофу новыми крестами.

Но, конечно, только разбойников, только разбойников. Мы бога не пощадили – во имя

законов вечной справедливости, – станем ли мы смущаться воем этой голодной, бессильной сволочи, ее проклятиями и гневом! Пусть проклинают, – нас благословит сама жизнь, своим покровом оденет нас великая, святая правда, и самый суд истории не будет справедливее нашего суда.

Бурные аплодисменты. **Царь Голод** движением руки восстанавливает тишину и продолжает тихо, с шипением змеи, улыбаясь.

Что сделали они проклятиями своими? Что? Они – там, а мы – здесь. Они в тюрьмах, на галерах, на крестах, а мы пойдем в театр. Онидохнут – а мы будем их кушать – кушать – кушать!..

Смотрит на всех веселыми, жадными глазами. И вдруг сбоку жиденьким голоском начинает хихикать тощий Судья. Он выпрямился, положил руки на колени, и смех его походит на бляение козла. К нему присоединяется другой, третий. Толстый сложил руки на подпрыгивающем животе и, задыхаясь, хохочет, как сквозь трубу, короткими, густыми выдыхами. Выходит так:

– Хи-хи-хи-хи-хи-хи-хи! Ху-ху-ху!

Смех растет, ширится, перебрасывается, как огонь под ветром, в разные концы, и вскоре хохочут все. Хохочут до иступления, до бешенства, до хрипоты. Все слилось в один черный, раскрытый, дико грохочущий рот. И только Смерть чем-то недовольна. Не смеется. Вдруг стучит кулаком, желая привлечь внимание. Сразу замолкают и испуганно смотрят на нее. Она молча грозит им темным тонким пальцем и собирает в портфель бумаги. Все встают.

Быстрыми короткими шажками, не отвечая на поклоны, Смерть идет к двери.

Опускается занавес .

Картина четвертая **Бунт голодных и предательство Царя Голода**

Ночь великого бунта. Великолепная, чрезвычайно богатая зала. Статуи, картины старых и новых мастеров, мозаика, мрамор, тропические цветы.

Направо, сквозь широкую арку, спуск вниз по белой мраморной лестнице.

Налево, также сквозь арку, видна библиотека – ряды шкафов, уставленных книгами в богатых переплетах. Из предосторожности горят не все огни, и освещена зала тускло; всю заднюю стену занимают большие, почти до полу, окна, за которыми клубится ярко огненно-красное зарево пожаров. Когда в зале темнеет, на пол от окон ложатся широкие багровые полосы, и люди, стоящие у окон, бросают длинные черные тени. В том, как беспорядочно расставлена мебель, и в том, что хозяев трудно отличить от гостей, в движении танцующих, в забвении некоторых приличий чувствуется страх и ожидание. Музыка, помещающаяся на хорах, то начинает играть громко и бравурно, то беспорядочно замолкает; и одна какая-нибудь труба нелепо долбит свою ноту и сразу испуганно обрывается – точно охнув.

Дворец, охраняемый внизу стражею, считается местом относительно безопасным, и бунт загнал сюда почти всех, кому он враждебен и кто его боится. Так же, как и Зрители в суде, пышно разодетые декольтированные дамы и девицы, осыпанные драгоценностями, красивые, породистые; такие же мужчины, во фраках. Но есть и в сюртуках и даже в блузах: так, группа Художников и Писателей одета с несколько искусственной небрежностью.

Ученые почти все в сюртуках и пиджаках, некоторые довольно грязны. Тут же, в толпе, несколько священнослужителей со скромными, заискивающими лицами; к ним остальные относятся невнимательно и даже грубо.

Движения собравшихся суетливы. Быстро образуются группы и так же быстро распадаются, потому что все ищут нового и успокоительного; почти никто не сидит. Часто с осторожностью подходят к окнам и заглядывают на улицу, иногда безуспешно пытаются задернуть прозрачные гардины. И во все время картины где-то недалеко бухает набатный колокол голодными призывными звуками; и кажется после каждого особенно сильного удара, что ярче стало зарево и беспокойнее движения гостей. Удары колокола то учащаются, и тогда в них чувствуется надежда, радость, почти торжество, то становятся медленными, тяжелыми, печальными – точно устали и руки и сердце старого Звонаря. Так же непрерывно слышится хриплый рог Смерти. То далекий, то до ужаса близкий, он минутами заглушает все остальные живые и мертвые голоса; и тогда как бы сами гаснут многие огни, и все замирает в неподвижности, и по полу ложатся длинные черные тени от ярко багровеющих окон.

Занавес открывается при смешении всех этих звуков: бравурной, но растерянной музыки, хриплого рога и частых ударов колокола.

Разговор гостей

- Я все еще не могу поверить, что бунт вспыхнул. Какой ужас!
- Да и многие не хотят верить. Это произошло так внезапно. Еще только вчера все было спокойно и мирно.
- Но послушайте, что делается там. Эта смерть...
- Каждый удар колокола обрушивается на голову, как молот!
- Ведь это значит, что через минуту могут прийти сюда и убить всех: мужчин, женщин, детей.
- Нас охраняют.
- Ах, оставьте! Неужели вы верите в стойкость этой наемной сволочи, что внизу? Стоит перейти силе на ту сторону, и все будет кончено. Где Царь Голод?
- Там!
- Боже! Неужели он изменяет? Я всегда говорил, что не нужно доверяться этому подлому лакею, этому пройдохе, провокатору!
- Погодите бранить его. Еще неизвестно, с кем он, с нами или с мятежниками!
- Зачем играет музыка? Крикните ей, чтобы замолчала.
- С музыкою легче.
- Оставьте! Нас могут услышать с улицы.
- Там не слышно. Там своя музыка. Послушайте!

Прислушиваются.

- Боже мой, какой ужас! Не нужно привлекать внимания. Эй вы, музыканты, замолчите!
- Неудобно без хозяев.
- Ах, разве теперь не все равно! Да замолчите же вы, там!

Музыка беспорядочно затихает. Ужас гостей.

- Что случилось?
- Почему музыка молчит? Что случилось?
- Сюда идут!

Громкий дрожащий голос:

– Господа, сюда идут! Господа, господа!

Все мечутся. Истерический плач.

– Да нет же, успокойтесь, ничего не случилось.

– Баррикадируйте двери!

Голос **Хозяина** дома:

– Что случилось? В чем дело?

– Кто-то приказал музыке молчать, и вот все в ужасе.

– Кто приказал? Как он смел? Музыканты, играйте. Господа, ничего не случилось. Сейчас будем танцевать. Кавалеры, приглашайте дам на котильон.

Некоторое успокоение. Кое-где даже слышен смех.

– Позвольте вас просить.

– Вы наступили на платье.

– Pardon!

Разговор ученых

– Конечно, бояться нечего. Раз Царь Голод с нами...

– А вы уверены в этом?

– Но, по крайней мере, история...

– Ах, это так шатко: история. Разве мы знаем настоящую историю?

– И это говорите вы, историк?

Сдержанный смех и улыбки.

– Я знаю только одно, что это ужасно. Как можете вы измерить энергию, которую накопил Царь Голод в этих темных, несчастных массах. Быть может, ее достаточно только для короткой вспышки, а быть может, она опрокинет все, всю нашу культуру. *(Указывает на окна.)* Вы знаете, что это горит? Хорошо, если дом. А если это уже горят музеи? Библиотеки?

– Огонь не разбирает ничего!

– Боже мой!

– Неужели все погибнет!

Кто-то гасит часть огней. Становится темнее, и окна ярко багровеют. И снова ужас.

– Что это?

– Почему темно? Что случилось?

– Господа, господа!

– Прекратился ток!

– Сейчас наступит тьма!

– Зажигайте свечи! Где свечи? Скорее!

– Да нет же, успокойтесь. Какие трусы!

- Позвольте вас просить?
- Вы с ума сошли? Танцевать?

Музыка играет вальс.

- Почему же вальс? Говорили, что котильон?
- Ах, не все ли равно: вальс, котильон, дьявол!
- Как вы грубы!
- Pardon!

В полутемноте кружится одиноко какая-то пара и вскоре куда-то исчезает.

- Господа, новости! Новости!
- Что такое?
- Новости! Слушайте!

Музыка беспорядочно затихает. На середину выходит Молодой человек. Костюм в беспорядке, лицо бледно, на лбу кровавое пятно. Его окружают.

- Я оттуда.
- Боже мой!
- Говорите! Говорите!
- Это ужас! Я точно вырвался из другого мира, который может пригрезиться только во сне. Пустынные улицы, над которыми в воздухе проносится рев. Откуда он – я не знаю. Кровавая мгла. Черные тени. Трупы под ногами. Молчаливые раскаленные пожарища, около которых нет никого. Где люди?
- Вас ранили?
- И вдруг – толпа. Вихрь криков, тел, оскаленных зубов. Кто это? Я никогда не видал их раньше. Они разрушают все. Они убивают друг друга. Они убивают детей. Я видел: они сожгли большой дом, полный спасавшихся женщин и детей!
- Какой ужас!

Кто-то истерически плачет.

- Замолчите!
- Это голодные!
- Это чернь! Они придут сюда.
- Какие-то косматые, полуголые чудовища. Кто это? Я никогда не видела их раньше. И еще говорят, что двинулась деревня, что все деревни идут в город.
- Это конец!
- Мы погибли!
- Это революция!
- Не оскорбляйте революцию. Это бунт. Вы слышали: они жгут женщин и детей.
- Звери вышли из лесов!
- Леса идут на нас!
- Мы погибли!
- Говорят: уже слышно скрипение их телег. На них они хотят увезти все, что останется от нашего города.
- Орда варваров идет на нас!
- Звери вышли из лесов!
- Я слышу скрипение колес. Мы погибли!
- Гасите огни!

Гаснет еще несколько огней. Рог Смерти слышится где-то совсем близко.

– И я видел, как жгли женщин и детей. И я не хочу после этого жить. Я пришел только рассказать – предупредить. Там где-то мой отец, мать...

Скажите им, что я умер. *(Быстро выхватывает револьвер, стреляется.)*

Ужас. Все мечутся. Труп быстро подхватывают и уносят.

– Что это?

– Сюда пришли. Господа!

– Нет, это застрелился кто-то.

– Зачем же он всех пугает?

– Подотрите кровь!

– Музыка! Музыка!

– Он сказал, что горит Национальная галерея.

– Что?

– Горит Национальная галерея.

– Господа! Новость. Горит Национальная галерея.

Многие бросаются к окнам.

– Где? Где?

– Вот.

– Это правда!

– Осторожнее, господа, осторожнее!

– Задержите занавеси!

– Горит Национальная галерея!

– Послушайте, вы наступили мне на ногу.

– Какой огонь!

– Что? Что? Что?

Крайне взволнованный, выбегает из библиотеки **Художник** в большом белом галстуке и бархатной блузе. За ним выходят другие **Художники**.

– Это правда? Горит галерея?

– Да. Да. Смотрите.

– Горит галерея? Горит Мурильо? Горит Веласкес? Рубенс? Джорджоне?

– Да. Да. Смотрите, какое зарево.

– Еще бы. Масляные краски!

Художник *(рыдает, закрыв лицо руками. И вдруг кричит иступленно)* . Я не позволю! Я не позволю жечь картины. Я не позволю! *(Бежит к двери.)*

– Куда он?!

– Он с ума сошел!

– Держите его!

– Убежал!

– Хотел бы я посмотреть, как он не позволит. Удивительные фантазеры эти артисты!

Художники группой

– Горит Мурильо!

- Горит Веласкес!
- Горит Джорджоне!
- Боже, боже!

Некоторые из **Художников** преклоняют колени перед старинною черною картиною и говорят, молитвенно опустив голову:

- Ты, бессмертная Картина!
- Ты, дивное создание человеческого гения!
- На тебе покоится божественная красота. И ты умрешь!
- Ты оправдание всей жизни нашей. И ты умрешь!
- Люди погибнут с тобою.
- И погибнет красота. Кто захочет жить, когда погибнет красота?
- Прости нас, великая, божественная Картина. Мы бессильны защитить тебя.
- Нам самим остается только умереть!

Злой, отрывистый смех Гостей.

Голоса. Тут гибнут люди, а они о Картинах!

– Фанатики, они знают только свои картины. Что такое их картины! Тут можем погибнуть мы, вот что важно.

- Картины хороши в спокойное время.
- Нас не спасут их картины! Картины!
- Но все-таки жалко.
- Оставьте! Только бы мы уцелели – для нас напишут новые картины.
- Еще лучше!
- Сколько угодно. Мы можем погибнуть – вот что важно!
- Но господь не допустит, чтобы погибло столько невинных.
- Ах, оставьте, святой отец. Вы бы лучше раньше учили этих мерзавцев, что голод – путь к блаженству, а не к бунту!
- Учили, но... (*Аббат разводит руками.*)
- Не верят!
- Верят, но... (*Продолжает стыдливо.*) Сегодня они повесили одного аббата. Страшно подумать, что ответят они богу?
- Что же? Разве веревка оборвалась?

Аббат стыдливо отходит.

Старичок в мундире. Я всегда утверждал, что необходимы реформы. Нельзя доводить до крайности. Вовремя брошенный кусок хлеба, даже просто ласковая улыбка... (*Изображает старческим ртом ласковую улыбку.*)

– Ах, пожалуйста, реформы, все что угодно. Мы можем погибнуть, вот что важно. Вы понимаете это: мы!

Все с яростью наступают на **Старичка** и бьют себя кулаками в грудь.

- Мы можем погибнуть, вот что важно. Мы!
- Мы!
- Вы понимаете это: мы!
- Мы! Мы!

Яростными криками «Мы! Мы! Мы!», двигаясь толпою, загоняют **Старичка** куда-то в

угол. Зарево, звук рога и колокола сильнее.

Тоскливые голоса. Боже! Неужели умирать!

– Жить так приятно. Если они придут сюда, я стану на колени, я буду умолять их: не убивайте меня, жить так приятно.

– Боже, а я только что заказала новое платье. Боже, я только что заказала новое платье!

– Неужели умирать!

– Я не хочу умирать! Я хочу жить! Меня не имеют права убивать, если я хочу жить!

– Жить! Жить!

Толкаясь, с тоскливыми воплями «Жить! Жить!» беспомощно мечутся по залу. Что-то дикое, нелепое начинает играть музыка и, точно сама себя испугавшись, с воплем умолкает. Входит **Профессор**, сильно расстроенный. На него не обращают внимания. Толкают.

– Позвольте! Позвольте! Да позвольте же! *(Почти плачет.)* Я должен вам сказать! Я должен сказать!

– Что такое?

– Чего ему надо?

– Кто это? Чего ему надо?

– Господа, новости!

Собираются расстроенной кучкой вокруг **Профессора**.

– Господа! Я сейчас проходил по улице – они жгут книги!

– Какие книги?

– Что он говорит?

– Жгут какие-то книги!

– Ну так что же! Что ему надо!

Профессор. Наше сокровище – нашу человеческую гордость – нашу великую святыню – они жгут книги, господа. Безумная чернь, что ты делаешь? Что ты делаешь?! Ах, друзья мои, друзья мои, – и когда я... когда я бросился отнимать... один маленький *in octavo*... [2] он, негодай, ударил меня.

(Плачет, протягивает, шатаясь, руки, но встречает пустоту.) За что он ударил меня? Разве я отнимал у него хлеб? Я работал честно, у меня только и есть что вот этот черный... черный сюртук. И больше ничего. Даже другого сюртука нету! Негодай! *(Плачет; обводит близорукими, заплаканными глазами комнату.)* И когда я подумаю, что все это должно погибнуть – эти красивые статуи, эти дивные шкафы с книгами – в таких переплетах, – эти милые, прелестные, одухотворенные лица... Друзья мои! *(Протягивает руки.*

всматривается. Молчат. Глядят на него откровенно. И вдруг он говорит тихо, с недоумением.) Где же лица? Где же лица? Что это? Кто это? *(Громко.)* Кто это?

Ищет дрожащими руками очки, надевает, смотрит – пренебрежительно, с улыбками, не достаивая ответа, как сумасшедшего или ребенка, отходят.

Молча, продолжая недоуменно оглядываться, идет за ними разбитой старческой походкой и скрывается в библиотеке. А вопли уже начались. Но теперь в них звучит подавленность, тоска, полная беспомощность, почти покорность.

– Мы должны умереть.

– Приближается гибель!

---

² В восьмую часть листа *(лат.)*.

- Кто спасет нас? Мы погибаем.
- Уже нет надежды. Мы погибаем.
- Бог отступился от нас.
- Смерть! – Смерть! – Смерть!

Появляется **Девушка в черном** . Говорит громко:

– Что с вами? Отчего вы не танцуете? Где музыка? Музыканты, играйте!
(*Молчание. Девушка в недоумении, потом в гневе.*) Что же вы? Вы боитесь?
Почему горят не все огни? Вы боитесь? О, трусы! Мне стыдно быть с вами! Да танцуйте же! (*Топает ногою.*)

Тихие, злые, хитрые голоса:

- Она сумасшедшая.
- Танцевать – теперь!
- Уйдем от нее.
- Она сумасшедшая. Ее нужно посадить в сумасшедший дом.
- Уйдем!
- Уйдем. С ней опасно. Она – кричит.
- Там могут услышать. Уйдем! Уйдем!

Девушка в черном. Не в темноте, а в ярком свете нашей жизни должны мы их встретить. Вы слышите, трусы! Мы должны их встретить – танцую – танцую – танцую! Пусть красотой будет наша смерть! Вы слышите!

Все обернули к ней спины и потихоньку уходят, на цыпочках, согнувшись.

Одни только спины, трусливые, съежившиеся, хитрые. И тихий, злорадный, испуганный шепот:

- Она сумасшедшая.
- Уйдем от нее.
- Уйдем!
- Тише! Тише!
- Обманем ее! Уйдем потихоньку!
- Тише! Тише!
- Обманем!
- Тише!

Девушка в черном. О, трусы! Боже мой, что же это! Да танцуйте же, танцуйте! (*В бешенстве плачет, топая ногами.*)

- Тише! Тише! Уйдем! Тише!
- Не хотите! Так смотрите, я буду танцевать одна!

Хочет кружиться. К ней подходит **Молодой человек** , до сих пор молча стоявший у колонны, и говорит с изысканной нежностью:

– Позвольте вас просить.

Без музыки, в пустом пространстве некоторое время кружатся. А те, продолжая стоять к ним спинами, согнувшись, смотрят на них через плечи и шепчут, наполняя зал шипением:

– Сумасшедшие! Сумасшедшие! Сумасшедшие! Сумасшедшие!
Молодой человек (*останавливаясь*) . Идемте отсюда. Вам здесь не место.

Проводит **Девушку** среди поспешно расступающихся Гостей. Как только они скрываются, все с хохотом высыпает на середину.

Ликующие голоса. Ушла!

– Ха-ха-ха! Ушла!

– Мы ее обманули!

– Как они танцевали!

– Ха-ха!

Сердитый голос. Ее нужно посадить в сумасшедший дом. Своим криком она может поднять на нас весь город.

– Связать!

– Заткнуть ей рот.

– Еще немного – и я бы схватил ее за горло.

– Танцевать? Мы погибаем – вот что важно!

– Нужно молиться богу.

– Оставьте. Бог лучше вас знает, в чем тут дело. Нам нужно молиться дьяволу!..
Дьяволу!..

– Что они говорят? Это кощунство! Бог за нас!

– Я не хочу умирать. Я хочу жить – жить! А кто мне даст жизнь, бог или дьявол, – мне все равно!

– Он сошел с ума!

– Нет, он прав! Мы должны молиться дьяволу!

Шум. Почти вбегает **Лакей** и говорит **Хозяину дома**.

– Сюда идут! Уже близко!

– Что?

– Сюда идут!

Хозяин дома (*задыхаясь, громко*) . Господа, внимание. Они идут сюда.

Гасите огни. Гасите огни. Скорее! Есть еще надежда, что нас не заметят в темноте.
Гасите огни!

Общий переполох, но голосов не слышно. Охваченные паническим страхом, молча, точно слепые, все движутся в разные стороны и натываются друг на друга, пока гасят огни. И отовсюду, из всех дверей являются такие же смятенные, растерянные фигуры. Приходят и **Художники** . Погасла последняя лампочка, и наступает полная темнота, в которой со зловещей яркостью выступают красные четырехугольники окон. Теперь в среднем большом окне с цельным стеклом можно рассмотреть черный силуэт старинной колокольни, за которым клубится красный дым и даже как будто показываются языки огня. И оттуда идет непрерывный звон. Недалеко и хриплый рог Смерти. И в темноте протяжные плачущие голоса:

– Приближается гибель.

– Они идут, уже слышны их жестокие шаги!

– Погибнут картины! Погибнет Веласкес, Мурильо, Джорджоне!

– Погибнем и мы! И мы! И мы!

– Приближается гибель!

– Пощадите нас, голодные.

– Простите нас, голодные. Мы все сделаем для вас.

– Погибнет Веласкес!

– Боже, сжался над нами!

- Он не услышит! Он отступился от нас.
- Он никогда и не был с нами. Молитесь дьяволу!
- Дьявол! Дьявол!
- Боже! Боже!
- Приди, о дьявол!
- Защити нас, о дьявол!
- Боже! Боже!
- Дьявол! Дьявол!
- Приближается гибель!

Стоны. Внезапно в темноте, с той стороны, где лестница, раздаётся мелкий, но спокойный, самоуверенный и громкий голос:

- Что здесь такое? Отчего у вас темно? Разве ток прекратился?

Одновременно испуганные и радостные голоса:

- Дьявол! Дьявол!

У входа зажигаются несколько лампочек и освещают маленькую фигурку **Инженера**. Это низенький, лысый, грязновато одетый, но чрезвычайно самоуверенный человек. Некрасив, – хорош только большой выпуклый лоб.

Говорит что-то с улыбкой **Лакею** – он демократичен и не считается с приличиями, – и тот отвечает, разводя почтительно руками.

Инженер. Ага, понимаю! Пустяки, господа, пустяки. Можете зажечь все огни. Зажги-ка, любезный, они сами сейчас едва ли...

Вынимает грязный носовой платок и громко сморкается. Общая радость, крики «Инженер! Инженер!». Зажигаются все огни. **Хозяин дома** обнимает **Инженера**.

- Новости, дорогой мой, новости!
- Господа! Новости! Инженер принес новости!
- Пусть говорит!
- Слушайте, слушайте!

Инженер. Ничего особенного, господа. Должен вам сказать...

Вынимает платок и громко сморкается. Возмущенные нетерпеливые голоса:

- Что это?
- Тут ждут, а он...
- Он еще сморкается...

Инженер. Господа, если бы мой нос строил я, он, конечно, не нуждался бы в платке. Но насморк...

– Новости! Новости!
 – Особенных новостей нет. Бунт еще продолжается. Эти господа зажгли что-то там еще, кажется, Национальную галерею. Такие идиоты! Впрочем, очень возможно, что галерея зажжена нашими же снарядами.

- Так это правда! Дальше! К делу!
- Могу добавить, что бунт захватывает, по-видимому, некоторые новые районы. Но мы, инженеры, приняли некоторые меры...
- С кем Царь Голод? Вы не видали?
- Виноват, этим вопросом не интересовался. Так вот, осмелюсь доложить, мы приняли

некоторые меры... Боюсь, однако, что здесь нет людей, которые хорошо знали бы математику.

– Говорите без математики.

– Хорошо-с. Так вот, я и мои товарищи сделали несколько снарядов особенной, так сказать, разрушительной силы, размеры которой, сударыня, я затрудняюсь определить. Представим, например, обычную городскую площадь, полную народа, – и достаточно одного-двух таких снарядов...

Голоса. Ого!

– Славно! Так, так. На кусочки!

– Какой ужас!

– Оставьте. Я говорил, что нужно молиться дьяволу. Bravo!

– Bravo! Bravo!

Аплодисменты. **Инженер** кланяется и снова вынимает платок.

– Извините, господа, но, право, такой ужасный насморк...

– Ничего! Пожалуйста! Пожалуйста!

– Неужели у него нет чистого платка?

– Нет, оставьте, он такой милый.

– Далее, на Солнечной горе мы поставили ряд больших орудий огромной силы. И если бунт еще продолжится, мы закидаем город.

– Это невозможно. А мы!

– Погибнут невинные!

– Это невозможно.

– Конечно, господа, здесь есть известный риск для нас. Но в настоящее время, благодаря работе моих товарищей...

– Bravo!

– Прицельность орудий достигла такой высокой степени...

– Bravo! Bravo!

Аплодисменты.

Инженер (кланяется боком и знаком подзывает Лакея) . Не можешь ли ты мне, любезный, принести рюмку коньяку?

Хозяин (громовым голосом) . Коньяку господину инженеру!

Инженер. Такой, знаете, холод. В заключение, господа, еще одна маленькая, но утешительная новость. В среде этих же голодных мы нашли за невысокую относительно плату несколько достаточно умных и расторопных господ и снабдили их поручениями интимного свойства. И в настоящую минуту эти идиоты уже начали великолепнейшим образом истреблять друг друга.

Хохот.

– Конечно! Конечно!

– Чего же от них ждать? Глупцы! Идиоты! Скоты!

– Так! Так! Bravo!

– Дьявол помогает.

Аббат стыдливо качает головой. Инженер берет принесенную рюмку коньяку и пьет с поклоном.

– За ваше здоровье, сударыни!

Очень красивая дама, **Жена Хозяина дома** , говорит громко:

– Господин инженер! Вы некрасивы, у вас грязный носовой платок, вы вульгарны и не умеете держаться в порядочном обществе, но вы наш спаситель, и я становлюсь перед вами на колени. (*Становится на колени.*)

Остальные кричат:

– И я! И я! И я!

Дама (*продолжает*) . И от вас еще пахнет чем-то очень дурным, но, если вы захотите, я буду принадлежать вам!

– И я! И я!

– И мой муж позволит это, потому что и он, как и все мы, понимает, что вы наш спаситель. Позвольте поцеловать вашу руку. (*Тянется на коленях за рукою.*)

Другие также.

Инженер (*вульгарно*) . Пустяки, пустяки, сударыня. Впоследствии я, быть может, воспользуюсь вашими любезными предложениями, а пока... я очень устал и хотел бы вымыть руки. (*Удаляется, сопровождаемый отрядом дам и девиц.*)

Голоса. Танцевать!

– Приглашайте дам!

– Как светло!

Играет музыка. Некоторые танцуют. Колокол звонит почему-то реже, но рог Смерти на некоторое время становится почти непрерывным. Вот он заглушает колокол, вот заглушает и заставляет молчать музыку – вот он наполняет залу, хриплый, торжествующий, бешеный. Все прислушиваются, вытянув шеи. Говорят почти шепотом:

– Смерть!

– Как она косит!

– Ужасно!

– Вы слышите?

– Чувствуется, как падают сотни людей.

– Тысячи!

– Она в бешенстве!

– Смерть! Смерть!

Вдруг сразу наступает мертвая тишина, которая почти оглушает своей резкой неожиданностью. Умолкает колокол. Всхрипывает еще раз и умолкает рог. Мертвая тишина. Ярко горит электричество. Все застыли на своих местах и вопросительно, с тревогою переглядываются. На лестнице движение. Тяжелые, медленные шаги.

– Что это?

Входит **Царь Голод** . Он окровавлен, и измученное лицо его смертельно бледно. На голове острая красная корона; на остриях ее что-то красное, кровавое, будто куски человеческого мяса. Ни на кого не глядя, тяжелыми шагами он проходит в середину залы и стоит некоторое время в позе безысходного отчаяния и тоски. Шепот:

– Что это? Что с ним?

Царь Голод (*поднимает голову с незрячими, точно ослепшими глазами и говорит*

тихо) . Кончено. Они все – внизу лежат. И не поднимутся больше. И я снова – ваш – лакей.

Музыка играет торжественный победный марш.

Опускается занавес .

Картина пятая Поражение голодных и ужас победителей

Вечерняя кровавая заря. Все небо снизу доверху в молчаливом, бесшумном красном огне – точно залито оно густою темнеющей кровью. И земля со всем, что находится на ней, кажется почти черною. Пустынная, бесплодная местность: ни дерева, ни кустика, ни одного высокого силуэта. Плоско – только посередине, ближе к левому краю, довольно высокий неровный бугорок и на нем большая, длинная, старая пушка на высоких колесах. Опершись на пушку в профиль, лицом туда, куда обращено ее жерло, неподвижно возвышается **Царь Голод** .

Перед жерлом пушки, теряясь в густых сумерках, лежат трупы убитых. Это голодные. И смутно рисуется над мертвым полем острый силуэт **Смерти** . Она стоит неподвижно – будто караулит. Позади пушки, на некотором расстоянии, Победители – это те, что в качестве Зрителей являются на суде и потом, в ночь великого бунта, присутствовали в богатой зале. Темными силуэтами тихо проходят. Некоторые группами, прижавшись друг к другу, стоят; их фигуры отчетливо рисуются на фоне заката.

В невольном почтении к Смерти разговаривают тихо, сдержанными голосами. И на все бросает свои отсветы багровеющее небо.

Разговор победителей

- Как темно!
- И заря такая красивая. Точно море огня или крови.
- Завтра будет ветер.
- Осторожнее, подбирайте платье, здесь кровь.
- Ах, да! Благодарю вас. *(Осторожно обходит темное пятно, подобрал юбки.)*
- И какая тишина.
- Да – ни шороха.
- Это всегда бывает там, где много мертвых.
- Нет ничего тише мертвого человека.
- Сколько их там лежит?
- Много. Много.
- Да. Достаточно для этого раза. Если и это их не научит...
- И как спокойны!
- Как тихи!
- Точно дети в колыбельке.
- А как кричали! Вы помните эти ужасные крики и вой?
- Как требовали!

Тихий смех. И негромкий, но властный голос **Девушки в черном** :

- Не издевайтесь над павшими.
- Это опять она.
- Девушка в черном.
- Она становится невозможна.

- Чего ей надо?
- Они умерли храбро.
- Опять она.
- Ее надо посадить в сумасшедший дом.
- Не стоит. Не нужно быть жестокими. Сейчас она ничему не мешает.
- Пусть говорит.
- Пусть послушают ее мертвые. Им так приятно слышать это.

Быстрый тихий смех.

- Они умерли храбро.

Молчание. Темными силуэтами тихо проходят.

- Осторожнее! Здесь кровь.

Молчание.

- Вы видели их вблизи?
- Да. Сегодня утром мы были здесь с инженером. Он очень доволен действием своих снарядов.
- Какая тишина!
- Осторожнее, здесь опять кровь.
- Да, я вижу. Когда все это уберут!
- Да, необходимо поскорее. Опасно оставлять столько трупов.
- Разве они поднимутся?

Тихий смех, и снова голос Девушки:

- Не издевайтесь над павшими!

Молчание.

- Она скоро охрипнет, повторяя одно и то же. Скажите, вы не были сегодня на мертвом поле, когда пелись торжественные гимны пушке?
- О да. Я была с мамой. Это было так торжественно. Мы все плакали. Кто сочинил слова молитвы, вы не знаете? Они так прекрасны.
- Говорят, аббат.
- Нет, это неправда. Их сочинил в восторге сам народ.
- Было так трогательно, когда матери подносили к пушке маленьких детей и заставляли целовать ее. Нежные детские ручки, доверчиво обнимающие это медное чудовище, – как это трогательно!
- Как прекрасно! Я мужчина – но я плакал.
- Все плакали.
- Махали платками. Кричали.
- А флаги развевались!
- И солнце вышло из-за туч и осветило нас.
- Только нас.
- Да – эти все время оставались в тени. Солнце не захотело взглянуть на них.
- А мне жаль, что все это скоро уберут. Это место было бы так удобно для вечерних прогулок. Здесь так тихо.
- Осторожнее! Кровь.

– Ничего, она уже засыхает. А в городе невозможно оставаться от грохота и лязга железа.

– Да, везде куют цепи. К сожалению, это необходимо.

– Но разве нельзя было бы сделать это как-нибудь тише! Положительно глохнешь от стука молотков. Это отзывается и на нервах. Мне всю ночь снилась бесконечная железная цепь, которая облегает земной шар. Нужно куда-нибудь уехать.

– Правда, какая тишина.

Молчание.

– Вы верите Царю Голоду?

– Да. Он честно выполнил свой долг.

– Но он слишком мрачен. Уже вторую ночь он стоит здесь и не говорит ни слова. Это не совсем прилично.

– Я слыхала, он готовит речь.

– Неужели? Это было бы очень хорошо. Помните его речь в суде?

– Он слишком мрачен.

– А вы будете завтра на первой лекции профессора?

– Как, разве он читает?

– Да. О культуре.

– Но говорили, что он тяжело болен, даже при смерти.

– Представьте, выздоровел. Такой живучий старик. Мы все каждый день ездили к нему, и он целовал руки и говорил: «Мои милые сестры милосердия».

– Тише! Кажется, Царь Голод хочет говорить.

– Это интересно.

– Перестаньте ходить!

– Он поднял руку.

– Тише! Тише!

Царь Голод (*выходит из неподвижности. Протягивает руку к мертвым и начинает говорить тихо и сдержанно*) . Чего добились, безумцы? Куда шли? На что надеялись? Чем думали бороться? У нас пушки, у нас ум, у нас сила, – а что у вас, несчастная падаль? Вот лежите вы на земле и смотрите в небо мертвыми глазами, – ничего не ответит вам небо. И сегодня же ночью вас поглотит черная земля, и на том месте, где вы будете зарыты, вырастет жирная трава; и ею мы будем кормить нашу скотину. Вы этого хотели, безумцы?

Ликующие голоса. Куда шли?

– Чего добились?

– Сейчас поглотит вас черная земля. Уже идут могильщики.

– Уже несут заступы. Идите в землю, безумцы!

– Горе побежденным!

– Горе побежденным!

Показывается молчаливая группа **Могильщиков** с заступами на плечах.

Бесшумно останавливаются у края мертвого поля.

Царь Голод (*продолжает*) . Зачем вы умерли? Зачем? Вот несут заступы – подходят к вам – скорее! Опомнитесь, проснитесь – да пошевелитесь же, говорю я вам. Не можете? Притихли? Смерть сковала рты? Да, Смерть – великий кузнец, и не вам разрушить ее узы! И вас я называю детьми, несчастная, жалкая падаль.

Торжествующие, холодно-угрюмые возгласы:

– Горе побежденным!

– Сын мой, сын мой. Ты кричал так громко – что молчишь ты? Дочь моя, дочь моя, ты ненавидела так глубоко и сильно, ты самую несчастною была на земле – поднимись же. Восстаньте из праха! Разружьте призрачные узы смерти.

Восстаньте! Заклинаю вас именем Жизни! – Молчите? Так будьте же...

Вдруг на мертвом поле начинается какое-то смутное, движение, шорох, густой хруст переломленных костей, настойчивое царапанье земли острыми, мертвыми ногтями – и с ужасом, вытянув шеи, прислушиваются те. И глухой, далекий, словно уже выходящий из-под земли, отвечает тысячеголосый ропот:

– Мы еще придем. Мы еще придем. Горе победителям.

Царь Голод. Что я слышу?

Далекий мертвый ропот:

– Мы еще придем!

– Мы еще придем!

– Горе победителям!

Умолкают; и снова на мертвом поле покой и тишина, и смутно рисуется неподвижный силуэт Смерти. Минуту все находятся в оцепенении. И вдруг, с хохотом, Царь Голод быстро переметывается на эту сторону и кричит громко, с дикой радостью:

– Ха-ха! Вы слышали! Они еще придут. Они еще придут. Горе победителям!

(Хохочет.)

Панический ужас и бегство.

– Скорее! Скорее!

– Мертвые встают!

– Мертвые встают!

– Они гонятся за нами!

– Скорее!

– Бегите! Бегите! Мертвые встают!

Толкаясь, падая, сбивая с ног рыдающих женщин, с диким воем убегают.

И, вытянувшись к убегающим всем своим жилистым телом, в иступленной, безумной радости кричит Царь Голод:

– Скорее! Скорее! Мертвые встают!

Опускается занавес

Комментарии

Впервые – отдельное издание *(с иллюстрациями Е. Е. Лансере)* . СПб., «Шиповник», 1908.

Одновременно пьеса выпущена отдельной книгой в издательстве И. П.

Ладыжникова *(Берлин)* .

Вошла в ПСС, т. 5 и СС, т. 9.

Постановка пьесы была запрещена цензурой.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Пьесы»](#)